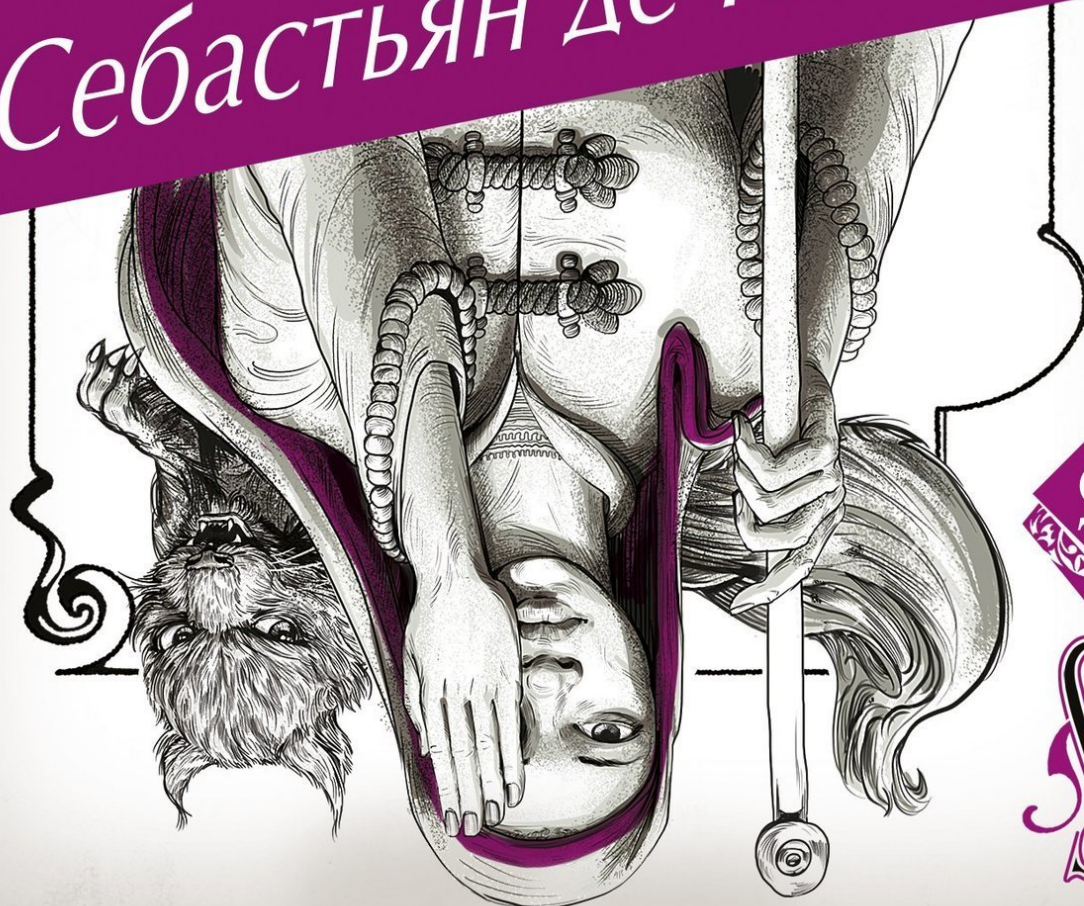

«Даже вся магия мира
не стоит того,
чтобы продавать за неё
свою совесть...»

УБИЙЦА КОРОЛЕВЫ

Себастьян де Кастелл

Творец Заклинаний

Себастьян де Кастелл

Убийца королевы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

де Кастелл С.

Убийца королевы / С. де Кастелл — «Эксмо», 2019 — (Творец
Заклинаний)

ISBN 978-5-04-103334-7

Келлен Аргос – маг с одним заклинанием, не лучшей репутацией и практически нулевой удачей. Он будто притягивает неприятности! Келлен по незнанию совершил ужасное: вытер измазанный кровью флаг Дароменской империи. И теперь ему придётся ответить за это. По закону Дарома королева обязана немедленно его казнить... Если только он не обыграет её в карты. Келлен уверен в себе и своей победе, как никогда. Ведь карты – это почти единственное, в чём он мастер. К тому же королева ещё совсем ребёнок и обыграть её не составит труда... Вот только во время игры он понимает, что маленькая королева гораздо умнее, чем кажется... и ей, как и ему, грозит смертельная опасность.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-103334-7

© де Кастелл С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Слёзы	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	27
Шутки	43
Глава 9	43
Глава 10	46
Глава 11	53
Глава 12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Себастьян де Кастелл

Убийца королевы

Sebastien de Castell

Queenslayer

Copyright © Sebastien de Castell, 2019

Illustrations copyright © Sam Hadley, 2019

© Овчинникова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Эрику Торину. «История утраченной магии» была длинным и удивительным путешествием, но у меня никогда бы не хватило смелости его начать, если бы ты не прошёл первые мили вместе со мной.

Слёзы

Мир видел множество старых отшельников, но никогда не видел старого изгой. Отшельник и изгой – оба они воздерживаются от дружеских отношений с другими людьми, но только изгой смиряется со страхом перед дружбой, бесконечным гложущим душу предупреждением, что когда-нибудь петля найдёт твою шею. Неважно, насколько ты осторожен, насколько умён. Проведя слишком много ночей вдали от дружеского очага цивилизации, ты устанешь от того, что за тобой охотятся тебе подобные. Ты озлобляешься. Начинаешь вести себя небрежно. И что потом?

Ты – мертвец.

Глава 1 Снег и медь

«Тшш, тшш, тшш», – шептал серебристый снег успокаивающе, точно человек, который сначала закрывает тебе рукой рот, а затем втыкает в спину нож, пока ты стоишь посреди уличной толпы. В этой «толпе» было семеро, дрожащих на холодном плато высоко в горах приграничья. Меррел из Бетриана, человек, которого я пришёл убить, съёжился за Арк-аеоном, боевым магом, нанятым, чтобы прикончить меня первым. В нескольких ярдах стояли два скупающих дароменских маршала. Они любезно предложили понаблюдать за нашим поединком (то есть угрожали арестовать нас, если мы не заплатим сбор за просмотр). Остаётся упомянуть большого грациозного орла – талисман Арк-аеона, и небольшого противного белкокота, способного сойти за мой талисман. Ах да, и конечно же, меня.

– Сейчас ты умрёшь, Келлен! – крикнул мне Меррел с другой стороны разделявшего нас пятидесятиярдового пространства припорошенной снегом земли. – Арк-аеон – истинный маг огня. И он не дурак, поэтому трюки меткого мага с ним не сработают.

– Да, ты прав, Меррел! – крикнул я в ответ. – Мои трюки срабатывают только с дураками.

Меррел выругался, Арк-аеон ухмыльнулся, а два маршала засмеялись. Ни птица, ни белкокот не обратили на это внимания. Они сосредоточились друг на друге. Что касается меня – я думал, что, возможно, Меррел не самый большой простофиля, переминающийся с ноги на ногу, чтобы не отморозить себе пальцы.

Я-то думал, что гонюсь за ним, спешу помешать ему пересечь границу и попасть на земли Забана, куда, как он знал, я за ним не сунусь. Я-то думал, что охочусь за глупым, уродливым типом, избивающим жену и пытающимся смухлевать во время игры в карты. Выяснилось, что это не так.

Меррел оказался куда богаче, чем давал понять. А ещё у него много связей, но, как выяснилось, даже с большими деньгами нанять настоящего боевого мага не так-то просто. Мой народ обычно избегает наниматься к омерзительным приграничным мужланам.

С другой стороны, глядеть на Арк-аеона было всё равно что самому посмотреться в кривое зеркало. Всего несколько дней отделяло меня от восемнадцатого дня рождения, и я едва ли увижу двадцатый. Арк-аеону, похоже, перевалило слегка за тридцать, он уже был главой благородного дома джен-теп, и его ожидало славное будущее. Цвет моих волос вежливо описывали как «навозный»; его волосы блестели в утреннем свете, словно сотканые из платиновых и золотых прядей. Благодаря нелёгкой жизни беглого мага я был тощим; он обладал мускулистым сложением солдата.

– Мне нравится твоя броня! – закричал я сквозь кружащийся снег между нами. Сияющие пластины, подогнанные по фигуре, скреплённые шёлковыми нитями, защищали его грудь, руки и ноги. – Она очень... золотистая. Под стать твоей птице.

– Шадеа – орёл, мальчик, – поправил маг, улыбаясь охотнику, который нарезал в воздухе ленивые круги, словно предвкушающий близкую трапезу канюк. – «Птица» – это нечто порхающее тут и там, прежде чем ты подстрелишь её на обед. Орёл сделает обедом тебя самого.

Арк-аеон рассеянно показал на меня. У меня не было доспехов – только кожаная куртка и штаны для верховой езды, помогавшие не ободраться до костей всякий раз, когда я падал с лошади.

– Мне нравится твоя шляпа, – сказал Арк-аеон, кивнув на шляпу жителя приграничья, которую я носил, чтобы уберечь от солнца чёрные метки вокруг левого глаза. – Эти серебряные знаки на полях такие... симпатичные. Они для чего-то нужны?

Я пожал плечами.

– Человек, у которого я украл шляпу, говорил, что они приносят удачу.

Арк-аеон снова улыбнулся.

– Значит, он преувеличил. Вот этот дурак заплатил мне немало денег, чтобы я покончил с тобой, Келлен из дома Ке, но я бы сделал это и бесплатно, если бы знал, что у тебя Чёрная Тень. Я метну молнию прямо в твой грязный левый глаз.

Птица... вернее, орёл демонстративно выпустил когти, словно понимал нашу беседу.

– Думаешь, птица нас понимает... – начал я.

– Конечно, он понимает, о чём ты говоришь, – просвистел в ответ Рейчис. И добавил: – Идётся.

Белкокот имел в виду «идиот», но мы несколько месяцев путешествовали по землям приграничья, и он взял моду говорить, как овечий пастух с редкими зубами.

– Орёл – его талисман. Всё, что слышит этот голокожий, слышит и птица.

Я взглянул на Рейчиса. Он выглядел смешно, стараясь закрыть лапами от ослепительного солнечного света, отражавшегося от снега и льда, – так, чтобы можно было ещё свирепо тарашиться на орла. Если раньше вы никогда не видели белкокота, вообразите, что какой-нибудь пьяный бог одарил пухловатого двухфутового кота большим кустистым хвостом и мохнатыми перепонками между передними и задними лапами, помогающими планировать с вершущих деревьев и вонзать зубы и когти в выбранную жертву, то есть практически во всё, что движется. И потом то же божество наделило своё творение темпераментом вора. И шантажиста. И, вероятно, серийного убийцы.

– Держу пари, орёл этого парня не называет его «идьётом», – сказал я.

Рейчис посмотрел на меня.

– Да. Ну, вероятно, дело в том, что я не твой талисман, а твой деловой партнёр. Идётся.

– Думаешь, это многое изменит, когда минут через пять маршалы велят нам начинать и орёл схватит тебя и вырвет твои внутренности?

– Прямо в точку. – Рейчис похлопал меня по ноге. – Хорошо, малыш, ты гений. А теперь завали того парня, чтобы мы могли съесть его уродливую птицу на ужин. Чур, мне достанутся оба глаза.

Мои руки скользнули к висющим по бокам футлярам с порошками. Я потратил небольшое состояние, убеждая кожевника смастерить для меня эти футляры. Они позволяли вытаскивать порошок быстрее, чем прежние мешочки, а когда ты дерёшься на дуэли с боевым магом, даже доля секунды может означать разницу между жизнью и смертью. Меррел чуть не упал на задницу, а двое маршалов немедленно направили на меня арбалеты на тот случай, если я соберусь смухлевать в поединке, но Арк-аеон не обратил на мой жест ни малейшего внимания.

– Он не боится, что ты его взорвёшь, – сказал Рейчис.

Ну, в прямом смысле слова он не разговаривает – он издаёт белкокошачьи звуки, но таковы уж наши отношения, что я слышу эти звуки, как слова.

– Верно, – ответил я. – Нерушимое щитовое заклинание?

– Наверное.

Я взгляделся в мага огня через разделяющее нас пространство, но не смог ничего рассмотреть на земле. Это место я выбрал не случайно, потому что чертовски трудно сделать так, чтобы круг оставался целым, если его можно нарисовать только на снегу и на льду. Я не видел никаких следов круга, поэтому, если рассуждать логически, оставалась всего одна возможность.

– Эй, приятели! Вы не возражаете, если мы передвинемся всего на несколько шагов вправо? Здесь солнце светит мне в глаза. Поединок должен быть честным, верно?

Старший из двух маршалов – кажется, его звали Харрекс – пожал костлявыми плечами и кивком показал на Аркаеона. Маг только улыбнулся и покачал головой. Его орёл нырнул в нашу сторону и взмыл вверх всего в нескольких футах от моего лица.

– Они пришли сюда рано и положили под снег заговорённую медную проволоку, а после полили её водой и подождали, пока она оледенеет, – сказал я Рейчису. – Думаю, ты был прав, нам не стоило разбивать лагерь минувшей ночью.

– Идёт.

Харрекс поднял миниатюрные солнечные часы.

– Что ж, господа, полагаю, мы готовы начать. Через минуту будет середина утра, и маршал Парсус начнёт обратный отсчёт от семи. После чего... Вы оба знаете правила?

– Надо убить другого парня? – предположил я.

Рейчис сердито зыркнул на меня.

– Таков твой план? Отпускать шуточки до тех пор, пока маг не сможет поразить нас, потому что будет слишком громко смеяться и не сможет выговорить заклинания?

– Возможно, это наш самый верный шанс. Я ни за что не смогу взорвать его сквозь щит.

– И что нам делать?

Я посмотрел на Арк-аеона. Его улыбка стала шире, он стоял совершенно спокойно, ожидая начала поединка.

– Семь! – выкрикнул маршал Парсус.

Я заглянул в глаза-бусинки белкокота.

– Как насчёт того, чтобы мы поменялись партнёрами по танцу? – предложил я.

– Ты имеешь в виду – я беру на себя мага?

Обычно белкокоты не улыбаются, но на мордочке Рейчиса появилась широкая мерзкая ухмылка. Может, он и был жадиной, лжецом, вором и шантажистом, но маленький негодник больше всего на свете любил сокрушительный, жестокий бой. Несколько месяцев назад он заполучил такое же проклятие Чёрной Тени, и вокруг его левого глаза был такой же узор, как и вокруг моего. Это ничуть не улучшило его характер.

– Пять!

– Не облажайся, Рейчис. Ты знаешь, что делать.

– Четыре!

Рейчис слегка встряхнулся. Его шерсть изменила цвет с обычного дурацкого коричневого с чёрными полосками на чисто-белый, отчего белкокот стал почти невидим на толстом снеговом ковре.

Я расстегнул металлические застёжки на футлярах, чтобы откинуть клапаны.

– Три!

Арк-аеон свёл пальцы рук так, что они образовали шпиль. Я знал этот магический знак, хотя сам не смог бы сотворить такое заклинание. Я вздрогнул при мысли о том, что произойдёт, когда оно ударит в меня.

– Два!

Арк-аеон подмигнул мне. Орёл замыкал последний круг, готовясь устремиться на Рей-чиса. Белкокот опустился на четвереньки и упёрся задними лапами в снег, врывшись в него, чтобы взять разгон.

– Один... – произнёс Парсус.

По мне, в его голосе было слишком много энтузиазма.

Наблюдавшие за подобными событиями заметят, что обычно есть только два способа проиграть на поединке: закончить его на коленях, моля о милосердии, или лёжа на спине в ожидании, пока падающий снег заметёт твой труп.

– Начали!

Я собирался найти третий вариант, который был ещё хуже первых двух.

Глава 2

Огонь и молния

Сначала вокруг пальцев Арк-аеона материализовались крошечные голубые искорки, и в тот же миг орёл начал скользить по наклонной, готовясь убить Рейчиса. Я почти ощущал в воздухе вкус магии огня, предшествующий молнии, и молился, чтобы у Арк-аеона хватило высокомерия, чтобы выполнить свою недавнюю угрозу. Я упал на землю и уже втискивал руки в футляры на боках, кончиками пальцев хватая щепотки ожидающего там красного и чёрного порошков. И я видел, как молния устремляется туда, где мгновение назад был мой левый глаз. Парень хорошо прицелился.

Рейчис поднял за собой миниатюрную снежную бурю, рванувшись к Арк-аеону. На бегу он без умолку вопил:

– Умри, тупой простак!

Когти орла тянулись к шкуре белкокота, но как только моё правое плечо ударилось о землю, я бросил порошки перед собой. По отдельности инертные и невинные, как младенцы, два порошка питали друг к другу ненависть, которая при их соприкосновении порождала чудовищный взрыв. Понимаете, в самом взрыве нет магии; это просто физика. Магия заключается в самом сложном – направить взрыв, не уничтожив при этом свои руки и лицо.

Мои пальцы сложились в магический знак: мизинец и безымянный прижаты к ладони в знаке сдерживания, указательный и средний указывают вперёд в знаке повеления, а большой палец обращён к небесам в знаке, ну... «Эй, кто там есть, помогите!»

– Караф Тот, – пробормотал я двойное заклинание.

Вообще-то, необходимы были только первые два слога. «Тот» – имя особо зловредного охотника за головами, который выследил нас с Рейчисом несколько недель тому назад, заявив перед всем городом, что именно он наконец-то со мной покончит. Поскольку мои порошки теперь были пропитаны его кровью, произнося его имя, я придавал заклинанию небольшую добавочную энергию.

Взрыв красного и чёрного огней, два пламени, которые переплелись, как змеи, оставив за собой лёгкую дымку, – всё это устремилось туда, куда я нацелил указательные пальцы, в орла. Я промахнулся по сердцу птицы, но попал в крыло. Орёл накренился и упал на землю в нескольких футах от Рейчиса. Но белкокот не остановился, чтобы на него взглянуть; маленькие лапы продолжали топотать, он мчался к своей истинной мишени.

– Шадеа! – завопил маг.

Его руки невольно прекратили делать магический знак для следующего заклинания.

«Больно, когда попадают в твой талисман, не так ли?» – злобно подумал я. Понимаете, я ничего не имел против орла, но он пытался убить моего делового партнёра.

Арк-аеон метнул вторую молнию как раз в тот миг, когда я поднимался. Это заставило меня снова упасть, теперь на живот. Я почувствовал, как волосы встали дыбом, когда молния промелькнула прямо у меня над головой. От третьей молнии я не увернусь.

Рейчис одолел расстояние, отделявшее его от боевого мага, и с хищным рычанием прыгнул. Арк-аеон чуть не упал на спину, хотя белкокот ни за что не смог бы пробить его щит. Но Рейчис нацелился не на щит. Едва приземлившись, он начал неистово копать, разрывая снег и лёд, чтобы добраться туда, где должен был скрываться хрупкий круг медной проволоки, удерживавший заклинание.

Арк-аеон только начал догадываться, что происходит, когда я снова ударил по его талисману.

– Караф Тот, – пробормотал я.

– Нет! – завопил Арк-аеон.

На сей раз он пустил в ход другое заклинание, какое-то благословение или защиту, которая окружила орла и рассеяла мой взрыв, превратив в чёрный лёгкий дымок.

«Милый трюк», – подумал я.

– Давай! – прорычал Рейчис.

Я увидел бороздку в снегу там, где он копал. Вот мой шанс. Но я стоял в неподходящем месте, чтобы послать взрыв через брешь в щите.

– Проклятие!

Вскочив, я побежал к Арк-аеону.

Я увидел, как он посмотрел на землю, складывая руки в новый уродливый знак. Он перевёл взгляд с дыры на Рейчиса, потом уставился на меня и нацелил заклинание мне в грудь.

«Слишком рано, проклятие, слишком рано».

Я ещё не был на одной линии с разрывом.

– Караф, мерзавец! – прокричал я во всё горло, нацелив пальцы на Арк-аеона так, будто и в самом деле пустил в ход заклинание.

Говорить «ублюдок» было необязательно, но когда ты изгой и за твою голову назначена награда, ты веселишься при каждой возможности.

Маг рефлекторно изменил положение пальцев и создал неустойчивый щит. Ошибка, поскольку на самом деле я не метнул взрыв, а его защита продержится всего несколько секунд без удерживающей её медной проволоки. Губы Арк-аеона отвисли, когда он понял, что я его одурачил. Теперь я стоял на одной линии с брешью в щите.

Видя брешь – прерывистое мерцание в воздухе, я прошептал:

– Караф Тот.

В последний раз.

Порошки врезались друг в друга. Прицелившись, я послал взрыв в брешь, прежде чем Арк-аеон смог сотворить ещё одно защитное заклинание. Взрывная волна ударила его прямо в середину живота, проделав дыру в изукрашенной пластине его доспехов.

Потом мы молча ждали, когда угаснет последнее эхо взрыва, отдававшееся в горах. Боевой маг стоял ещё несколько секунд, хотя в его теле теперь отсутствовали жизненно важные органы. Взрыв оставил такую большую дыру, что я смог взглянуть сквозь него туда, где Меррел присел за своим защитником. Я зашагал к нему, и тут тело мага наконец-то поняло, что случилось, и рухнуло на землю.

Если кажется, что всё прошло чересчур легко, – это не так.

Кроме того, мы всё ещё не добрались до той части, когда я всё испоганил.

Глава 3

Кровь и шёлк

– Ну же, Келлен, не делай того, чего мы с тобой оба не желаем, – умолял Меррел.

Он повернулся к двум маршалам, Харрексу и Парсусу.

– Не дайте ему меня достать! – закричал он. – Я вам заплачу! Теперь, когда этот маг мёртв, у меня есть куча денег.

Маршалы устремили на Меррела каменные взгляды. Пытаться подкупить службу маршалов королевы? Не слишком умно. Я подозревал, что они не арестовали Меррела на месте по одной-единственной причине: они знали – я собираюсь сделать арест спорным вопросом.

– Не подходи ближе, Келлен! – Меррел молитвенно сложил руки, что было напрасной тратой времени.

Мой народ слишком цивилизован, чтобы верить в богов. Вместо богов мы поклоняемся нашим предкам.

– Я? Я не собираюсь делать ничего безрассудного, Меррел.

Я дал ему достаточно времени, чтобы почувствовать облегчение, после чего добавил:

– А вот белкокот – злобный маленький типчик. И, сдаётся, он собирается съесть твоё лицо, покамест я тута завтракаю.

«Предки! Теперь из-за Рейчиса я и сам говорю, как приграничный мужлан».

– Нет! Подожди! Мы всё ещё можем заключить сделку. Все знают, что ты ищешь лекарство от Чёрной Тени, так? Ну, а я знаю нужного парня.

Когда речь идёт о змеином масле и чудесных лекарствах, все знают нужного парня.

Снег приятно захрустел под моими подошвами, когда я сделал ещё один шаг к Меррелу. Я всё ещё видел взгляд той девочки, когда он...

«Нет. Гнев просто заставит тебя наделать ошибок. Сосредоточься на том, что происходит здесь и сейчас».

– Клянусь, Келлен! Я знаю парня, который может вылечить твою Чёрную Тень!

Рейчис пригнулся, готовый к прыжку. Он повернул ко мне свою пухлую мордочку, и я уже увидел, что он думает об этой затее.

– Не купись на его брехню снова, идиёт.

Предупреждение было излишним и ненужным. Я пропутешествовал аж по двум континентам, потратил каждый пенни, какой смог заработать или украсть, в поисках лекарства от извилистых чёрных меток вокруг моего левого глаза. Единственное, к чему привели эти средства, – запор, а однажды – скверные розовые прыщи.

– И как зовут чудотворца? – спросил я.

Меррел был либо слишком смышлёным, чтобы решить, что я купился на его игру, либо слишком глупым, чтобы назвать выдуманное имя. Но какая разница? Он заставил меня колебаться, и этого хватило. Он сунул руку за спину, и я уловил блеск стали за мгновение до того, как он коварным броском метнул в меня крутящийся нож. Клинок попал мне прямо в правое плечо, и я упал, как мешок с землёй. Рейчис вскарабкался по Меррелу и набросился на его лицо, содрав ногтями полоску плоти вокруг левой глазницы, заставив кровь брызнуть. Потом белкокот нацелился на его шею.

Когда я поднялся, Меррел громко вопил, но после я увидел, что он снова завёл руку за спину.

– Рейчис! У него ещё один нож!

Белкокот не обратил на меня внимания. Кровожадный маленький монстр.

Я рванул к ним, потирая кончики пальцев в надежде, что онемение пройдёт и можно будет рискнуть снова пустить в ход заклинание. Бесполезно – на последний взрыв я израсхо-

довал слишком много порошка, и мои пальцы утратили чувствительность. Если я сделаю ещё одну попытку, я просто оторву себе руки. К моему правому бедру была пристёгнута колода бритвенно-острых стальных карт, но что с них толку, если пальцы онемели, а в плече торчит нож?

Меррел вытащил клинок и попытался полоснуть Рейчиса, но у белкокота хватило смекалки спрыгнуть с груди человека и вцепиться в его ногу. Меррел сильно пнул Рейчиса, и тот отлетел на несколько футов в сторону. В приступе ярости Меррел побежал следом и с силой опустил ногу, будто молот. Если бы Рейчис не откатился в сторону, он был бы раздавлен. Меррел собирался повторить попытку, когда я его настиг.

Свистнув сквозь зубы в ожидании боли, я вырвал нож из плеча и пырнул им Меррела из Бетриана в шею. В конечном итоге, думаю, я вопил дольше, чем он.

Два маршала терпеливо подождали, пока Меррел истечёт кровью, потом повели к нам своих лошадей. Как наблюдатели, они всегда штопали раны победителя, это входило в их обязанности. Вот такие они цивилизованные, дароменцы.

– Из тебя хлещет кровь, приятель, – сказал Парсус.

Я посмотрел на своё плечо и понял, что он прав. Крови было больше, чем следовало. Наверное, нож угодил в какое-то жизненно важное место. Я рассеянно схватил первую попавшуюся тряпку, которую увидел на боку лошади маршала, и прижал к ране, чтобы унять кровь.

– Вот чёрт, – услышал я бормотание Рейчиса.

Я перевёл взгляд с белкокота на маршалов.

Парсус выглядел так, будто сейчас упадёт от шока. Харрекс вытаскивал арбалет. Только тут я понял, что натворил.

Я проделал сто пятьдесят миль, чтобы убить человека, имея единственное законное оправдание – он жульнически обыграл меня в карты. Я убил на поединке мага джен-теп, хладнокровно прикончил его нанимателя и вплоть до сего момента... когда сдёрнул красно-белый флаг Дарома с лошади маршала... даже не совершил преступления.

Вот чем смешна империя: по понятиям её жителей, если ты не иностранный дипломат, как только ты ступаешь на дароменскую землю, ты становишься *citavis teradi* – местным гражданином. Это сомнительная честь влечёт за собой парочку небольших законных прикрытий и священную обязанность защищать монарха. К несчастью, я только что смочил королевский флаг кровью, что считалось объявлением войны королевской семье Дарома и приравнялось к измене. И я сделал это перед двумя маршалами самой королевы.

У меня не хватало сил для ещё одного заклинания, но я, вероятно, всё равно попытался бы его проделать, если бы Парсус предусмотрительно не ударил меня по затылку маршальской палицей. Последнее, что я услышал, упав, – это перепуганный свист Рейчиса:

– Идётся!

Глава 4

Лошади и наручники

Когда я начал приходить в себя, моей первой мыслью было: «Рейчис мёртв». Ну, тут я слегка солгал – моей первой мыслью было: «Кого-то, наверное, вырвало», потому что мои ноздри наполнял едкий запах. Второй мыслью было: «Поскольку я могу чувствовать её вкус, рвота, скорее всего, моя». Третья мысль: «Кто-то подвесил меня вниз головой за борт лодки». Но, поскольку океан подо мной как будто застыл, скорее всего, меня привязали к боку лошади. Маршалы перекинули меня через седло и прикрутили к нему лицом вниз, а это плохая поза, когда тварь под твоим животом бежит рысью по глухоти. А уж четвёртой мыслью, даю честное слово, была: «Мой партнёр мёртв».

Маршалы не любят непредсказуемых и не рискуют. Увидев, как Рейчис нацелился на птицу, а потом на мага, не говоря уж о том, что он изорвал в клочья лицо Меррела, они предпочли убрать белкокота, чтобы тот не напал на них, когда понял, что меня увозят. Бедный малыш. Я надеялся, что он не успел увидеть надвигающуюся смерть.

Потом я услышал звук, похожий на ворчание, и смех. «Предки, – подумал я. – Они пытаются его потехи ради».

– Мерцавцы, – провопил я.

По крайней мере, он ещё жив. Теперь мне просто надо найти способ освободиться и спасти его. Я неуклюже вывернул шею, чтобы увидеть, что они делают с белкокотом. Уж не знаю, что именно я ожидал увидеть, но явно не то, что увидел. Старший из маршалов, Харрекс, ехал верхом позади меня, а Рейчис лежал перед ним, задрав вверх все четыре лапы. Маршал отправлял ему в пасть кусочки еды. Белкокот снова заворчал, а потом рыгнул.

– Дай его мне, – окликнул маршал Парсус своего напарника.

– Он был у тебя почти от самой границы, – ответил Харрекс. – Кроме того, ему и тут уютно.

И Харрекс поднёс еду к мордочке Рейчиса.

– Ты просто уютный пушистый маленький мишка, верно?

Рейчис вытянул вверх лапки и выхватил угощение из руки Харрекса. Это заставило маршала фыркнуть от удовольствия.

– О, ты умный, а, парнишка?

– Вот гадёныш, – пробормотал я.

– Что? – просвистел Рейчис. – Если у меня будет пустой желудок, тебе от этого ничуть не станет лучше.

Наверное, здесь уместно упомянуть, что я твёрдо убеждён: белкокоты – разновидность летающей крысы.

Я попытался освободить руки, чтобы убить, хотя не знал наверняка, с кого начну. Тут я почувствовал на запястьях дароменские наручники и понял (с отстранённым любопытством, которое, как говорят, испытываешь в то мгновение, когда палач открывает под тобой люк), что я спёкся.

Не знаю, что меня так завораживает в наручниках. Уж наверняка не состояние человека, которого в них заковали. Как парень, часто носивший наручники, хоть и не по своей воле, даю слово: мой жизненный опыт вовсе не похож на картинки, которыми иногда украшают стены лестниц второго этажа в салунах с полным обслуживанием. Но у наручников есть одно свойство – они очень многое рассказывают тебе о стране, в которой ты находишься. Взять забанцев, живущих неподалёку к северу от места, где меня арестовали. Вот их наручники и в самом деле нечто: толстые железные кольца с рядами острых выступов, обеспечивающих непрерыв-

ное болезненное давление на нервы запястий. Любой, проносивший такие наручники больше пары часов, испытывает мучительную боль; часто из разорванной кожи начинает течь кровь ещё до того, как человек встретится с забанским адвокатом, чтобы подготовиться к суду. С другой стороны, если вы умны и можете вытерпеть сильную боль, кровь, текущая из запястий, может послужить эффективной смазкой, пока вы будете выбираться из наручников.

Знайте, что народ Забана жестокий, бесстрашный и не особо умный. Орудие пытки, которое сходит в этой стране за наручники, – вот что получается, когда ваша культура полностью посвящена идее, будто всем сущим управляет судьба. Забанцы считают: если ты в наручниках, значит, виновный или нет, ты должен был сделать нечто такое, что допекло мироздание, и заслуживаешь всей испытываемой боли. С другой стороны, любого, вырывавшегося из тюрьмы, они считают невиновным, поскольку, в конце концов, такова судьба сбежавшего – спастись.

А вот джен-теп не любят пользоваться железом. Их игра – магия... Или, теоретически, наша игра, поскольку я сам из клана джен-теп. Маги редко используют чистое железо, поскольку оно мешает колдовству. Кроме того, им не нужны настолько глупые вещи, как толстые железные кольца, чтобы задержать человека. Пара связывающих петель джен-теп и столь же тонкая медная проволока, покрытая замысловатыми маленькими символами. Связывающие петли обладают коварным свойством затягиваться тем больше, чем сильнее ты на них давишь. Поэтому чем больше ты пугаешься и теряешь самообладание, тем скорее увидишь, как твои руки упадут на пол, перерезанные острой медной проволокой.

Мерзкие штуки. Из них нельзя вырваться, если только ты, часом, не более могущественный маг, чем тот, кто зачаровал связывающие петли. Ну, не совсем верно – есть один трюк, который каждый раз может выручить, но я предпочитаю держать этот маленький секрет при себе. Как бы то ни было, джен-теп никогда бы не потрудились задаться вопросом: «Что, если связанный человек на самом деле более могущественный маг, чем тот, кто сделал петли?» Потому что для джен-теп любой лучший маг – это почти наверняка лучший человек, значит, если пленник сбегает, он вообще не заслуживал связывания. И это практически всё, что нужно знать о моём народе, моей семье и моей жизни.

Но наручники, которые надели на меня маршалы, были дароменские. Эти наручники не похожи на забанские или на узы джен-теп. О, не поймите меня неправильно: они невероятно крепки. К обручу в полдюйма толщиной из гитабрианской стали прикреплена такая цепь, что дюжина зазубренных пил кузнецов не смогла бы её разгрызть. Но, в отличие от причиняющих боль выступов забанских наручников или перерезающих запястья магических уз джен-теп, дароменские наручники подбиты изнутри толстым слоем шёлка. Они поразительно удобны. Мягкие, как зимние перчатки придворного, клянусь.

Это многое говорит о дароменской культуре. Для них, имперского народа, который за последнюю сотню лет стал доминировать над многими из малых наций континента (в том числе над джен-теп), важнее всего выглядеть заслуживающим доверия. У дароменцев по сравнению с большинством других народов странное понятие о правосудии: они думают, что человека не следует наказывать за преступление до тех пор, пока его не признали виновным. Это сумасшедший образ мыслей, но, похоже, для них он в течение многих лет оправдывался.

По понятиям дароменцев, если тебя задерживают, чтобы доставить в суд, тебе должно быть если не удобно, то, по крайней мере, не больно. Даром определённо цивилизованная страна. Неудивительно, что они захватили полконтинента и убили добрую часть жителей другой половины. Но дароменцы к тому же невероятно практичны: шёлковая подбивка внутри наручников так плотно прилегает к запястьям, что из них невозможно спастись, потому что подкладка служит идеальным тормозом. Дароменские наручники – самые удобные оковы, с какими можно встретиться, но мало того: это ещё и единственные оковы, гарантирующие, что

из них ни за что не выбраться без посторонней помощи. Вот почему я не зря сказал, когда почувствовал на своих запястьях дароменские наручники, что спёкся.

Глава 5

Неудачливая восьмёрка

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил меня маршал Парсус, заставив свою лошадь пойти рядом с моей.

– Хотелось бы ключ от этих наручников.

Слегка озадаченное выражение его простого веснушчатого лица говорило как о его искреннем характере, так и о полном отсутствии чувства юмора.

– Я скорее думал о еде и питье, – сказал он.

Дароменские маршалы искренне гордятся своей заботой о том, чтобы их пленники добились до виселицы в полном здравии. Однако мысль о еде лишь вызвала у меня новый приступ тошноты.

– Только воды, спасибо.

Он вытащил кожаную флягу и поднёс её к моим губам. Мне пришлось повернуть голову, чтобы поймать ртом струю, и маршал ясно увидел метки Чёрной Тени вокруг моего левого глаза.

– Эти штуки как-то тебя беспокоят? – спросил он, поднося флягу чуть ближе к моим губам.

Я слегка прополоскал рот, прежде чем проглотить воду.

– Они становятся холодными, когда на них светит солнце. Но кроме этого – нет, не очень.

– С виду забавная вещь. – Он поводит пальцем в воздухе в нескольких дюймах от моего лица. – Вроде как три кольца, заплетённые виноградными лозами.

– Я слышал описания и похуже.

По большей части связанные с частями человеческого тела.

Парсус оглянулся на Рейчиса, который в тот момент ворковал – в самом деле ворковал, как проклятый голубь, выманивая новое угощение у маршала Харрекса.

– У твоего питомца тоже метки вокруг глаза. Они?...

Он дал вопросу повиснуть в воздухе.

Шесть месяцев назад Рейчиса заразила Чёрной Тенью девушка, которая думала, что делает мне одолжение. Полагаю, это и вправду было одолжением, поскольку восстановило узы между мной и белкокотом. С другой стороны, я почти не сомневался, что однажды маленькое чудовище превратится в неуправляемого демона и убьёт половину населения континента в яростных поисках печеня.

– У него просто уродливая родинка, – солгал я, а потом добавил громче – так, чтобы Рейчис меня услышал: – Это из-за того, что он был самым маленьким в помёте.

Белкокот будто остался равнодушен к такому неуважению.

– И это говорит самый хилый маг в целом клане.

Парсус придвинул палец чуть ближе к моему лицу.

– Ты не возражаешь, если я?...

– В общем, нет, – ответил я.

Он замер.

– Ты никогда не думал о том, чтобы потратить немного денег и показать это... ну... доктору, ведьме-шептунье или ещё кому-нибудь?

Рейчис фыркнул.

– Он думал об этом каждый день за последние два года и потратил на это каждую монету, какую заработал.

Парсус посмотрел на меня.

– Что он сказал?

Я пожал плечами.

– Откуда мне знать? Он просто тупое животное. Наверное, увидел птицу и испугался.

– Я бы сказал, что глупое животное – то, которое привязано к лошади, – заметил Рейчис. Маршал внимательней ко мне пригляделся.

– Знаешь, они не столько чёрные, сколько... Ну, я не могу правильно описать. В столице королевы есть прекрасные доктора. Я видел, как один вылечил человека, кожа которого была в худшем состоянии, чем твоя. Может, он сумеет помочь.

Я улыбнулся.

– А он вылечит вывихнутую шею человека после того, как с неё снимут петлю?

– А, да, прости.

– Парсус, не досаждай мальчику! – крикнул Харрекс. – Просто дай ему воды и оставь его в покое.

– Прекрасно! – крикнул в ответ Парсус, потом сказал мне: – Твои руки, похоже, слегка обожжены, парень. Хочешь, я полью на них воду и немного ополосну?

– Не беспокойтесь, – ответил я, сжав кулаки.

Я не просто упряился – у меня была очень веская причина желать, чтобы мои руки не ополаскивали.

– Ну, как хочешь, – ответил Парсус. Он кивнул на длинную, пыльную дорогу впереди, которая прорезала горы, высящиеся слева и справа от нас. – Но до столицы ещё два дня.

Потом он снова принялся спорить с Харрексом, чья очередь играть с белкокотом.

Я попытался шевельнуть плечом, в котором устроил временное обиталище нож Меррела. Маршалы меня перевязали, но плечо всё ещё горело. Вонь рвоты и собственное вонючее дыхание атаковали мои ноздри, а в ушах стояло благодарное воркование самого злобного существа в мире.

– Белкокоты даже не издают таких звуков, знаешь ли, – сказал я.

– Что? – спросил Харрекс.

– Ничего.

Я слегка приподнял голову и посмотрел на небо. Солнце начало опускаться к горизонту. Маршалы разобьют лагерь на ночь, и это хорошо, поскольку мой план спасения основывался на том, что меня не будет невыносимо тошнить. План не был блестящим и зависел от того, чтобы на время убедить их, что я куда более сильный маг, чем кажусь. А это означало дьявольски обжечь руки – идея не из лучших, поскольку единственная магия, в которой я по-настоящему хорош, требует быстрых и уверенных пальцев. Тем не менее я почти не сомневался, что у меня всё получится, лишь бы ничего...

– Налётчики! – закричал Парсус.

Я так быстро попытался повернуть голову, что упал бы с лошади, если бы не был к ней привязан.

– Будь всё проклято, – сказал Харрекс. – Сколько их и как далеко?

Я видел Парсуса краешком глаза. Сквозь опоясанную медью подозрную трубу он пристально смотрел в сторону приграничных гор.

– Я насчитал семь. И, сдаётся, по меньшей мере в полумиле отсюда.

Старший маршал крикнул.

– Проклятье, Парсус, ты зря меня напугал.

Он взял у Парсуса трубу и поднёс к глазу.

– Им понадобится добрых три часа, чтобы спуститься верхом с того хребта.

Харрекс убрал трубу в седельную сумку.

– Проклятые забанцы каждый год рвутся всё дальше на юг.

Он подвёл свою лошадь к моей и нагнулся, чтобы убедиться – путы стянуты туго.

– Прости, малыш, ужина не будет.

– Что вы имеете в виду? – спросил я. Сердце моё провалилось так глубоко в желудок, что можно было спокойно побиться об заклад – оно вернётся на место, только когда меня в следующий раз начнёт рвать.

Маршал посмотрел на меня сверху вниз.

– Мы не будем связываться с отрядом забанских налётчиков. Мы заметили семь их всадников, а поскольку нас только двое, Парсус и я... Ну, мне не нравится расстановка сил. Нет, мы будем ехать всю ночь до казарм в Каструм Товус. Там мы захватим ещё нескольких маршалов, чтобы наверняка живыми и здоровыми добраться до столицы.

Размышляя над тем, что мне ни за что не удастся сбежать от целого отряда маршалов, я почувствовал, как Харрекс похлопал меня по спине.

– Прости, малыш. Похоже, ближайшие несколько часов тебя ждёт не самая лёгкая езда.

Он открыл прицепленный спереди к седлу маленький колчан с арбалетными болтами и стал тыкать пальцем в каждый по очереди, считая вслух. Я поймал себя на том, что считаю вместе с ним. У него было восемь болтов, значит, если забанские налётчики нас нагонят и Харрекс – лучший стрелок в мире, у него одним болтом больше, чем нужно. Я мысленно прикинул, на что он может использовать последний болт: подстрелить дичь на обед, поковырять им в зубах, убить меня... Когда ты в наручниках и болтаешься на лошадином боку, такие мысли невольно лезут в голову. Но этот лишний болт не давал мне покоя.

Маршал искоса взглянул на меня, проверяя своё седло.

– Ты что-то замышляешь, парень? Потому как не думаю, что тебе повезёт подкрасться ко мне, пока ты привязан к этой лошади.

Я вскинул голову.

– Маршал Харрекс? – как можно тише окликнул я.

– Да? В чём дело? Пути слишком тугие?

Я покачал головой.

– Вы когда-нибудь слышали о Забанском Колесе Судьбы?

Старый маршал пожал плечами.

– Конечно... Вроде как слышал. Это символ их страны, верно? У нас есть большое бронзовое колесо в одной из библиотек королевского дворца.

– Важнее то, что это символ их философии. Они думают, что судьба вращается, как колесо. Вы помните, сколько спиц в том колесе?

Он поджал губы.

– Спицы... верно. Учил в школе. Восемь, если я правильно припоминаю. Ну-ка... Начала, концы, долг, веселье... Остальные не помню.

– Сколько провинций на территориях Забана?

– Восемь. К чему ты кло...

– А сколько раз в день забанцы медитируют?

– Восемь. Им нравится восьмёрка, ладно? Они очень последовательный народ. Теперь доволен?

Я покачал головой.

– А сколько, вы сказали, налётчиков видели в подзорную трубу?

– Се... О преисподняя. Парсус! – закричал он. – Проверь...

Красный шёлк и коричневая кожа мелькнули в поле моего зрения в тот миг, когда огромный, мускулистый человек возник словно ниоткуда и врезался в Харрекса, сбив того с коня. Едва взглянув на меня, нападавший резко опустил руку, и в ней появился нож. Он хитрым броском метнул его в Парсуса и угодил в правое плечо. Младший маршал завопил, от боли дёрнулся назад и тоже свалился на землю.

Я неистово пытался вывернуться из ремней, прикручивавших меня к лошади. Не то чтобы освобождение принесло мне много пользы, поскольку я всё ещё был в наручниках.

Забанский воин, гораздо выше шести с половиной футов, выглядел достаточно могучим, чтобы швырнуть с горы меня, мою лошадь и половину Дарома. На загорелом неприкрытом лице красовались восемь вытатуированных на лбу звёзд. Четыре чёткие линии пересекали каждую щёку, как усы дикого кота. Он был с головы до ног одет в красную ткань, скреплённую коричневыми полосками. Алая Элита. Почему, во имя преисподней, Элита присоединился к простому отряду налётчиков?

Харрекс, всё ещё лежа на земле, замахнулся маршальской палицей, целя в колено нападавшего. Элита грациозно отскочил, держа руки перед собой в одном из жестов забанской гвардии, которые не имеют смысла ни для кого другого. Он даже не потрудился вытащить ещё один нож. В защиту Харрекса следует сказать, что его маневр позволил ему подняться, и он принял боевую стойку перед своим противником.

– Рейчис! – закричал я. Белкокот вспрыгнул на спину моей лошади. – Сними с меня эти штуки!

Белкокот посмотрел на меня так, будто я был пьян.

– И что, по-твоему, я должен сделать? Прогрызть наручники насквозь?

– Открой их ключом, идиот.

– Ключ у Харрекса. Я видел, как он сунул его в поясной кошелёк.

– Почему же ты не украл ключ, пока он тебя кормил?

Рейчис склонил морду на грудь.

– Я...

– Тебе не приходило в голову, что если ты украдёшь ключ, он может пригодиться? Да что ты за вор такой!

– Голодный вор?

Маршал Харрекс тяжело грянулся о землю, палица выпала из его руки. Забанец пнул его в живот, чтобы убедиться – он больше не встанет. Потом здоровяк переключился на меня. Комок коричневого меха метнулся к его лицу. Он поймал Рейчиса за шею и отстранил его ровно настолько, чтобы когти белкокота не смогли до него дотянуться.

– Ты свирепое маленькое создание, – сказал он на ломаном дароменском – очевидно, чтобы я его понял. – Но Четыре Аспекта Долга властвуют над животными и над землёй.

Он отшвырнул Рейчиса на добрых тридцать шагов, и белкокот приземлился с болезненным стуком.

– Ты за это заплатишь, – сказал я.

Забанец улыбнулся.

– Хочешь, чтобы я развязал твои путы и ты смог попытаться?

– Нет необходимости.

Он кивнул.

– Потому что, свободен ты или нет, я мгновенно тебя раздавлю, да?

Я покачал головой.

– Нет, потому что ты попал маршалу Парсусу в правое плечо, а у меня такое чувство, что он левша.

Элита широко распахнул глаза, когда в его животе вырос наконечник арбалетного болта. Он круто повернулся ко мне спиной за мгновение до того, как упал. За ним я увидел Парсуса, всё ещё с ножом в правом плече: он держал трясущийся арбалет в левой руке. Веснушчатый молодой человек как будто собирался что-то сказать. Но не сказал. Его глаза помутнели, и он без сознания рухнул на землю.

Я повернул голову, чтобы посмотреть на остальных. Рейчис, Элита Забана и оба маршала лежали без сознания. Значит, остался только я, пристёгнутый к боку лошади и гадающий, очнётся ли кто-нибудь раньше, чем появятся остальные налётчики.

Глава 6

Клетки и арбалеты

На меня произвело впечатление то, что маршал Харрекс первым собрался с силами. Он получил несколько крепких ударов от забанского воина, но всё-таки, рыча и ворча на себя, ухитрился подняться и встряхнуться, чтобы очухаться после битвы. Маршал оглядел представшую его глазам картину и мрачно засмеялся, увидев меня связанным, Парсуса без сознания, ошеломлённо спотыкающегося Рейчиса и бесчувственного Элиту Забана – надо надеяться, умирающего благодаря торчащему в животе болту.

Первым делом Харрекс проверил Элиту. Он не пнул и не пырнул его – что сделали бы большинство солдат и стражников, с которыми я когда-либо встречался. Но таковы уж маршалы: у них есть свод правил, и каждый раз играют они по этим правилам, какие бы карты им ни выпали. Остаётся восхищаться такой упорной глупостью. Харрекс надел на забанца наручники. Когда я услышал громкое кликанье, наручники на моих запястьях как будто затянулись туго.

– Жаль, что я не могу развязать тебя, малыш, – сказал мне маршал, направившись к Парсусу, чтобы заняться его раной. – Мне бы пригодилась твоя помощь.

– Я мог бы просто дать слово, что не убегу. Но, полагаю, вы бы мне не поверили?

Харрекс взглянул на меня и улыбнулся.

– Знаешь, малыш? Вероятно, поверил бы. Но ты никогда не дашь такое слово, верно?

– Я...

Харрекс выдернул нож из плеча Парсуса. Тот издал резкий надсадный звук, заставивший меня восхититься мужеством младшего маршала. Потом Харрекс полил рану вязкой жидкостью из медной фляги. Жидкость имела цвет под стать самой фляге и, падая на глубокую рану в плече Парсуса, искрилась.

– Это настоящая?...

Харрекс кивнул.

– Аква сульфекс. Действует сильнее, чем олеус регия и стоит вдвое дороже.

Он вздохнул, подошёл к Элите Забана и полил жидкостью рану на животе, прежде чем вытащить арбалетный болт.

– Вы тратите снадобье на этого парня? Он же пытался вас убить.

Старик пожал плечами.

– Теперь он мой пленник, и маршал Колфакс снимет с меня голову, если мы не привезём пленника живым на королевский суд.

Колфакс был легендарным главой службы маршалов. Насколько легендарным? Даже я слышал о нём, а я никогда не бывал в дароменской столице. Но я сомневался, что Колфакса сильно заботит забанский налётчик.

– Вашего пленника просто повесят после самого короткого в мире суда, – сказал я.

– Да, вероятно. Но это не моя проблема. Я – страж закона, сынок. Моя работа – поставить этого человека перед магистратом, целым и невредимым.

Я услышал шарканье в нескольких шагах в стороне, повернул голову и увидел, что Рейчис тащится к нам.

– Вели маршалу пойти прогуляться, Келлен. Я уберегу его от уплаты штрафа магистрату. Харрекс вернул пробку в медную фляжку. Убрал её и медленно вытащил из-за пояса нож.

– Твой маленький дружок рычит, сынок. Отзови его, чтобы мне не пришлось его ранить. Я услышал стон: Парсус кое-как поднялся на ноги и принялся перезаряжать арбалет.

Рейчис оскалил зубы.

– Я одолею их всех.

– Не глупи, Рейчис, – сказал я.

Маленький монстр становится особенно злобным, когда проигрывает в драке.

– Он действительно тебя понимает? – спросил Парсус, шагнув к нам, но продолжая целиться из арбалета в Рейчиса.

Время щекотания пузика и вкусных угощений прошло – теперь, когда они увидели Рейчиса таким, каков тот был на самом деле: монстр, втиснутый в два фута грязного меха.

Харрекс встал и пошёл к Парсусу.

– Отдай мне арбалет и сними ловушку для кроликов с вьючной лошади.

Спустя мгновение Парсус вернулся с квадратной металлической клеткой такого размера, что Рейчис едва бы в ней поместился. Молодой маршал поставил клетку на землю с открытой наострѐнной дверцей. Рейчис зарычал. Метки Чѐрной Тени вокруг его левого глаза начали извиваться и вращаться.

– Послушай, Келлен, – сказал маршал Харрекс. – Есть два, всего лишь два способа это сделать. Ты уговоришь своего дружка войти в клетку и сам ведѐшь себя хорошо. Тогда, клянусь, что бы ни случилось, я освобожу его, когда всё закончится. Я вовсе не хочу его ранить, но и не могу позволить ему нынче ночью содрать кожу с моего лица. Второй вариант: я устраняю проблему, прежде чем она становится проблемой.

– Я ни за что, будь прокляты боги, не войду в эту клетку, Келлен, – просвистел Рейчис.

Палец Харрекса, похоже, подѐргивался на спусковом крючке арбалета.

– Я не шучу, Келлен. Он попадѐт в клетку живым или мѐртвым, но так или иначе он туда попадѐт.

– Рейчис, – медленно сказал я. – Послушай, мы должны с умом разыграть наши карты. Тебе надо...

Белкокот зарычал на меня, и я задумался, не овладевает ли им Чѐрная Тень, заставляя сердиться. Злиться.

– Трус! – прорычал он более низким голосом, чем обычно. – С умом разыграть. Бежать. Прятаться. Находить оправдания. Это всё, что ты делаешь. Я не должен был вытаскивать тебя из родительского дома в тот день, когда тебя связывали контрмагией, Келлен. Всё равно по-настоящему ты так оттуда и не ушѐл.

– Рейчис, он тебя пристрелит!

Глазки-бусинки белокота замерцали, шерсть сделалась бело-красной, чтобы слиться с окровавленным снегом вокруг.

– Может быть. А может быть, нет. Он старый и испуганный. Бьюсь об заклад, он промахнѐтся. А я не промахнусь! И уж точно, преисподняя, не буду сидеть в клетке!

– Маршал, пожалуйста, давайте придумаем что-нибудь ещё! – взмолился я.

Харрекс покачал головой.

– Прости, малыш.

– Рейчис, залезай в проклятую клетку! Они тебя убьют!

Глазки белокота были прикованы к Харрексу; Рейчис искривил губы – это почти походило на улыбку.

Парсус шагнул к Харрексу.

– У меня есть идея. Может, мы сумеем справиться, если только...

Рейчис сделал три быстрых шага, а потом прыгнул вверх, на лицо Харрекса. Мохнатые перепонки между передними и задними лапами поймали ветер в тот миг, когда маршал нажал на спусковой крючок арбалета.

Я увидел, как болт ударил в Рейчиса, на мгновение остановив его, прежде чем белкокот упал на землю.

Глава 7

Кровь и вода

Мы полночи ехали вниз по горным перевалам, пока снег и лёд не уступили место мощёным дорогам, отмечавшим конец приграничного района и начало истинного Дарома. Теперь, когда нам не грозили остальные налётчики забанского отряда, Харрекс объявил остановку, снял меня с лошади, а потом поступил точно так же с Элитой.

Парсус развёл огонь и раздал нам всем сушёное мясо и серый хлеб из непросеянной муки, прежде чем повесить над костром котелок и вскипятить воду для кофе.

Мы почти не разговаривали. Харрекс сидел поодаль на таком расстоянии, чтобы ему с лихвой хватило времени взять перезаряженный арбалет и покончить со мной и Элитой, если мы попытаемся напасть. Забанец не ел; он то медитировал, то сердито тарашился по очереди на каждого из нас. Харрексу неплохо удавалось не обращать ни на кого внимания, пока он чистил и проверял своё оружие. Парсус сидел рядом с клеткой, в которой лежало обмякшее тело Рейчиса, и время от времени просовывал палец между прутьями, чтобы слегка погладить влажный мех белкокота.

– Ты лишишься пальца, если эта тварь очнётся, – предупредил Харрекс, всё ещё не сводя глаз со своего ножа. Маршал покачал головой, будто найдя на клинке щербину. – Глупейший поступок, о каком я когда-либо слышал – лечить аква сульфесом чёртову животину.

Парсус вытащил палец из клетки.

– Малыш не виноват. Он просто вёл себя храбро, пытаясь защитить своего хозяина.

– Делового партнёра, – машинально поправил я.

– Что?

– Неважно.

Харрекс фыркнул.

– Вы двое стоите друг друга.

Я наблюдал за комком меха в клетке. Он дышал. Это уже что-то.

– Спасибо, – сказал я.

Потрескивал костёр, и я посмотрел на сушёное мясо на поставленной передо мной тарелке. Я умирал с голоду. Маршалы услужливо перестегнули мои наручники так, чтобы руки были передо мной, но пустить в ход пальцы, чтобы взять мясо, означало потерять козырь, который всё ещё у меня был. На моих пальцах оставалось достаточно порошка, и, если я сумею придумать, как освободиться от наручников, я смогу устроить один последний взрыв.

– Джен-теп, – окликнул меня Элита Забана так тихо, чтобы его голос почти утонул в потрескивании огня.

– Что? – спросил я.

– Ты джен-теп?

Он произнёс это слово, как оскорбление.

Я кивнул.

– Нагхрам, а? – ухмыляясь, спросил он.

Последнее слово не требовало особых интонаций, чтобы понять: это оскорбление. По правде говоря, столетия назад многие джен-теп были скопцами. Они считали, что кастрация освобождает разум от возбуждения, присущего желанию, и, следовательно, позволяет лучше сосредоточиться на магии. Оказалось, это просто освобождало их от половых органов. А поскольку осталось немного магов джен-теп, воспроизводство вроде как важная вещь для моего народа.

Маршалы заковали забанца в такие же наручники, какие были на мне, поэтому я не беспокоился, что он освободится и убьёт меня, но всё равно он выглядел устрашающе. Он при-

стально глядел на меня так, как любят глядеть забанцы – как будто они способны взвесить и оценить человека, только таращась на него. Может, он и вправду такое может. Но я тоже мог таращиться, хотя то, что я видел, ничуть не придавало мне спокойствия.

Он был бритоголовым, рубашка без рукавов обнажала мускулы, которые гарантировали: я не смогу противостоять ему в кулачном бою. Шрамы на руках говорили, что он солдат. Но, хотя его руки до самых запястий покрывал загар, как и лицо, кисти остались гладкими и бледными. Харрекс снял с него перчатки и сжёг. Алая Элита носит перчатки, позволяющие не касаться «нечистых», а нечистый для них почти каждый, кто не забанец.

Убийца перевёл взгляд с меня на некую точку в воздухе прямо перед собой и сложил скованные руки так, будто душил кого-то за горло. В такой позе он оставался несколько минут, потея всем телом.

– Дехбру хабат, – невольно прошептал я.

Вгляд забанца переметнулся на меня, прежде чем вернуться к воображаемой жертве. Интересно, маршалы всё ещё ничего не чувствуют? Ходили истории, гласящие, что Алая Элита может раздавить трахею врага на расстоянии. Я никогда не был свидетелем такого, никогда даже не видел, чтобы кто-то предпринял подобные попытки. Похоже, для этого требовались огромные усилия, ведь маршалы были здесь, рядом; если Элита и вправду хотел рискнуть, с тем же успехом он мог бы прыгнуть на одного из них и схватить за горло. Потом я понял, что его руки слишком близко друг к другу и слишком низко опущены. Он воображал не горло мужчины, а горло ребёнка.

– Слишком далеко, – наконец сказал он. – Маленькая паршивка слишком далеко отсюда.

– Кто? – спросил я.

Он кивнул на маршалов.

– Высокомерный ребёнок, которого они зовут королевой. Мы слишком далеко, и моё дехбру хабат слишком слабое.

– Да? Что ж, сожалею. Не могли бы вы убить маршалов? А потом мы освободимся и пойдём каждый своей дорогой.

Он покачал головой и поднял руки, повернув ладони наружу. Они были покрыты сложными символами.

– Дехбру хабат – высокая магия, дарованная нам ангелами второй плеяды. Имя цели запечатляют на нашей плоти мастера-астрономы. Смертный приговор, который я приведу в исполнение, сработает только для девчонки. – На его лице отразилось разочарование. – Но я должен быть к ней ближе, намного ближе.

Большинство культур континента сочли бы веру в ангелов разновидностью религии, но забанцы возражают, что не поклоняются богам, что они атеисты, чьё мировоззрение философское и чисто научное. Вообще-то, они относятся к религии (то есть ко всему, отличающемуся от того, во что верят сами), как к детским суевериям. Если вы никогда не сталкивались с забанской Алой Элитой, рекомендую не объяснять им изъясн этой логики.

– Полагаю, вы должны были махнуть рукой на попытки убить нас и вместо этого проскользнуть в столицу, – заметил я.

Он покачал головой.

– Глупый нахрам. Я никогда бы не приблизился к ней и на тысячу шагов. Если только не...

– Если только вас не приведут к ней после того, как магистрат приговорит вас к смерти. – Я покачал головой. – Вы хотели, чтобы вас схватили...

Он улыбнулся.

– Думаешь, эти два кретина смогли бы остановить меня, если бы я им не позволил?

– Итак, всё идёт согласно плану?

– Нет. Я был дураком. Я думал, он попытается подобраться ко мне и ударить своей палицей. Но он пошёл путём труса.

Губы здоровяка скривились, когда он с рычанием опустил взгляд на перевязанную рану, оставшуюся от арбалетного болта.

– Но аква сульфекс...

Он покачал головой.

– У них сильное лекарство, но внутри меня что-то разорвалось. Я приду на свою казнь слишком слабым, чтобы проделать дехбру хабат.

– Думаю, у вас как раз хватит сил, чтобы задушить её старомодным способом, – сказал я.

Он сплюнул и поднял руки.

– У меня нет перчаток. Элита не может прикоснуться к плоти непосвящённой даже ради того, чтобы её убить.

– Уверен, если вы вежливо попросите, кто-нибудь одолжит вам перчатки. А может, даже варежки. Вы сможете задушить человека в варежках?

– Ты насмехаешься надо мной, нагхрам. Перчатки, которые мы носим, чтобы убивать непосвящённых, должна благословить сама Небесный Астроном. Дела душ не касаются ткачей.

– Похоже, тут прорва работы, – сказал я.

– Путь судьбы нелёгок, нагхрам. Но, умерев, я поднимусь по ста тысячам ступеней и займу место на великом колесе, чтобы сидеть рядом с ангелами нирваны. А ты? Ты будешь гореть тысячу лет. Тебе следует свернуть на путь благоразумия, пока ещё не поздно.

Я показал на Чёрную Тень вокруг своего левого глаза.

– Думаю, моя загробная жизнь уже определена.

Забанец подался ближе, чтобы внимательней меня рассмотреть.

– Эти метки, соединённые полукружья, похожие на полумесяцы, и извивающиеся лозы, как сердитые змеи... Ты святой человек своего народа?

Я покачал головой.

– Как раз наоборот. Я...

Как, к дьяволу, объяснить забанскому фанатику, что такое Чёрная Тень?

– Можешь называть меня отступником, хоть и поневоле.

Он кивнул.

– Что ж, хорошо. Ты убьёшь королеву-стерву вместо меня.

– С какой стати мне это делать?

– Тебя схватили за какое-то преступление, так? Может, ты кого-то убил?

Я покачал головой.

– Я по ошибке вытер кровь дароменским флагом, поэтому формально объявил войну империи.

Забанец коротко и грубо рассмеялся.

– Дароменцы – тщеславные и суеверные люди. Это приведёт их к краху.

Он снова подался ко мне.

– Теперь послушай меня, нагхрам. Когда тебя будут готовить к смерти, отведут к ней. Они будут ожидать, что, повинувшись инстинкту, ты станешь умолять сохранить тебе жизнь. Не умоляй. Мольбы ничего не дадут. Вместо этого устрями глаза и разум на поиски возможности – мгновения, когда ты сможешь нанести удар. Может, ты припрятал на себе маленький клинок? А если с клинком ничего не выйдет, просто пусти в ход руки, чтобы раздавить ей горло.

– Значит, вы хотите, чтобы я отказался от быстрой смерти в угоду многодневной пытке?

Он улыбнулся, с отвращением качая головой.

– Трус! Я не могу представить образ твоих мыслей. Разве боль важна для того, кто действует, повинувшись своей судьбе?

Я пожал плечами.

– Единственное, что когда-либо мне было положено по «судьбе», – эти метки вокруг глаза, из-за которых меня преследуют все мужчины и женщины, каждый недоумок, представляющий, что это такое. Больше «судьбе» нечего было мне предложить.

– Она говорит сейчас. Мироздание говорит с тобой через меня, нагхрам. Но если твоя душа слишком запятнана, чтобы услышать его слова, знай: при дароменском дворе есть те, кто ждёт свершения этого деяния. Срази королеву, и они защитят тебя. Подумай, нагхрам, о вознаграждении, которое тебе даруют!

Я задумался над его словами. Потакать философским представлениям варваров-забанцев о судьбе, с моей точки зрения, не слишком хорошее времяпровождение. Но остаться живым, хотя и мерзким? К такому я уже привык. А деньги? Деньги означали свободу. Они означали больше шансов найти того, кто сможет вылечить Чёрную Тень, прежде чем мою душу полностью поглотит демон или прежде чем члены моего любимого клана в конце концов сделают по мне хороший меткий выстрел. Деньги – это то, в чём я жестоко нуждался.

Смогу ли я убить королеву? Всего-навсего ребёнка.

Я посмотрел на Рейчиса. Что станет с белкокотом, если меня прикончат? Какими бы милосердными ни пытались быть маршалы, маленькое отродье станет преследовать их, пока не отомстит. Харрекс всадит в него ещё один болт, и тогда не будет никакой аква сульфекс, чтобы спасти Рейчису жизнь.

Забанец запрокинул голову и посмотрел на звёзды.

– Голос судьбы проникает в тебя, нагхрам. Хорошо. Ты будешь благословлён в этой жизни и в следующей.

Потом он сделал глубокий вдох и внезапно резко выдохнул; его живот сжался, будто сдавленный железными тисками. Он сделал ещё один вдох и проделал это снова.

– Что ты творишь? – спросил я.

Он снова напряг живот, ещё сильнее. Кровь просочилась сквозь повязку на ране.

– Я выполнил свой долг служения ангелам. Ты теперь – моя стрела, которую направляет моя рука, чтобы сразить нашего общего врага.

Он продолжал дышать таким же манером, снова и снова напрягая живот.

Харрекс и Парсус заметили странные конвульсии и встали.

– Он пытается себя убить, – сказал Харрекс.

Парсус первым добрался до пленника, напрасно пытаясь заставить того остановиться.

– У нас кончилась аква сульфекс! Я ничего не могу поделать.

– Выруби его своей палицей! – закричал Харрекс.

Парсус отстегнул от пояса палицу, но было слишком поздно. Кровь капала сквозь повязки на землю перед забанцем.

– Теперь я уйду отдыхать на колесе, маленький нагхрам. Выполни свою миссию и знай – ты делаешь это с благословения судьбы... и моего.

Он прислонился ко мне, и не успел я отодвинуться, как почувствовал на щеке его поцелуй. Его голова упала мне на плечо, когда жизнь покинула его тело.

Глава 8

Игра королевы

Два дня в пути, двенадцать часов в камере, двадцатиминутный судебный процесс перед скучающим и раздражительным старым магистратом – и меня наконец-то притащили в королевский зал правосудия, по всем правилам осуждённого за довольно неаккуратное объявление войны Дароменской империи. До сих пор мои преступления были совершенно непреднамеренными, но имелся неплохой шанс, что я убью их королеву – в этом заключалась определённая ирония.

Собралась полная комната высокомерной знати; столпившись вокруг трона своей одиннадцатилетней правительницы, они бросали на меня злорадные взгляды, нетерпеливо предвкушая, как меня повесят. Это не слишком улучшило моё мнение о дароменском обществе.

Королевский зал правосудия был красив так, как может быть красива только ложь – хорошо рассказанная, переданная тебе на ухо мягкими быстрыми движениями обольщающего языка. Весь дворец как будто вырезали из единого куска полированного мрамора. Изукрашенные колонны тянулись от пола до великолепного сводчатого потолка, на котором не видно было ни стыков, ни швов. Изящные золотые и серебряные инкрустации, переплетённые, точно любовники, и резные панели вишнёвого дерева на стенах рассказывали о том, как Даром из хаотичного сборища пастухов превратился в самую могущественную империю континента. Все эти изображения вели туда, где сидела и ожидала меня самая молодая (а возможно, самая старая, если верить историям) правительница мира.

Её трон, вырезанный из дуба, был маленьким и почти нелепо скромным. Дароменцы воображают, будто эти штрихи смирения отличают их от более жестоких империй древности. Они – сложные люди, воспитанные на философии, сельском хозяйстве и конечно же войне. Такое воспитание объясняет дароменский способ ведения дел: во-первых, попытаться убедить вашу маленькую страну присоединиться к империи с помощью полных благих намерений и цивилизованных переговоров о выгоде территориального партнёрства; потом подкупить заверениями, что у вас будут лучшие поставки еды, чем когда-либо; если же не сработает ни то ни другое, выбить из вас дерьмо с помощью самой большой и лучше всего обученной армии на континенте.

Но если Дароменская империя вобрала в себя ресурсы и граждан других наций, она вобрала многое и от чужих культур. Повседневная жизнь в дароменской столице не имела ничего общего с жизнью пасторальных пастухов с их высокими гнедыми конями и вспыльчивым яростным нравом. О, некоторые из тех людей сохранились до сих пор – сотни тысяч их жили в маленьких поселениях, разбросанных вокруг Дарома. Но теперь они стали реликтами. Милые анахронизмы, давно заброшенные их прапраправнуками. Если не считать «паломничества в глубинку» – своеобразного обряда посвящения дароменских подростков, – средний представитель знати в течение многих поколений не видел никого из своих более грубых сородичей. Думаю, поэтому королеве можно было простить вопрос, который она задала:

– Вы один из жителей нашей глубинки?

Её голос был тихим, но полным достоинства, приятным, если не утешающим – по контрасту с грубыми руками маршалов, заставивших меня опуститься на колени перед тронном.

Королева оказалась красивой девочкой. Выбор невест, который её далёкие прапрадедушки неоднократно делали сотни лет назад, похоже, закрепил более смуглый цвет кожи, чем у большинства её подданных. На чёрных волосах, обрамлявших тугими кольцами юное лицо, был простой головной убор. Первые намёки на скулы, маленький плоский нос, мягкая линия подбородка одиннадцатилетнего ребёнка. Золотистое кружевное платье с розовой отделкой прикрывало её от основания шеи до ног и запястий. Она не носила ювелирных украшений,

кроме простого серебряного венца с единственным чёрным драгоценным камнем в середине, поверх головного убора.

– Нет, госпожа, – ответил я. – Я вовсе не из «жителей глубинки».

Кто-то стукнул меня сзади по голове. Подозреваю, это сделал маршал Харрекс. До сего момента он вёл себя достаточно дружелюбно, но здесь, в королевском зале правосудия, ему, наверное, полагалось обращаться сурово с теми, кто близок к петле. Наклонившись, он прошептал мне на ухо:

– Ты будешь называть её «ваше величество», или меня заставят выпотрошить тебя прямо здесь.

– Нет, ваше величество, – поправился я.

– Простите мое предположение, – сказала королева, слегка наклонив голову к плечу и рассматривая меня, – но у вас доброе лицо, в отличие от тех, кого обычно ко мне приводят. Мне оно напомнило... жителей нашей глубинки.

Я невольно рассмеялся, услышав это. Подозреваю, маршал тоже рассмеялся, поскольку не ударил меня снова.

– Прошу прощения, ваше величество, но вряд ли кто-нибудь когда-нибудь говорил так о моём лице.

Я подмигнул левым глазом.

Она слегка наклонилась, чтобы заглянуть под поля моей шляпы.

– А, конечно, чёрные метки. – Она говорила странно печальным тоном. – Как плавные буквы языка, который мы все забыли. В них есть какая-то магия, верно?

– У него Чёрная Тень, ваше величество, – сказал маршал Харрекс.

Её величество наклонилась ближе и вгляделась в меня ещё внимательней.

– Да, – сказала она, – я это заметила, и всё-таки я считаю, что у вас доброе лицо, несмотря на дьявольский вид вашей татуировки.

Потом она посмотрела на мою шляпу.

– И вы носите шляпу жителя приграничья, совсем как наши любимые пастухи! – восхищённо заметила она.

Её открытая наивность действовала мне на нервы.

– Она просто защищает моё лицо от солнца, вот и всё.

Королева молча кивнула, но продолжала смотреть на шляпу.

– Эти символы...

– Просто невежественное суеверие, ваше величество, – раздался голос позади трона.

Я посмотрел на стоявшую за королевой женщину с каштановыми волосами. Поверх её длинной белой одежды была широкая розовая кружевная полоса, прикрывающая плечи. Рядом с ней стояли мужчина повыше и светловолосая женщина, оба в похожем одеянии, он – с золотистой кружевной полосой, она – с бледно-голубой.

– Простите мою наставницу, мастер Келлен, – сказала королева со странной смесью раскаяния и тревоги в голосе.

Я покачал головой.

– Господин Келлен, а не мастер.

Королева сощурилась.

– Вы не маг? Но эти символы на вашей шляпе, и татуировки на предплечьях... Я решила, что вы – джен-теп.

– От которого отреклись, ваше величество. Лёгкие разногласия с отцом.

– Могу я поинтересоваться природой этих разногласий?

Раздался кашель, и глаза королевы быстро обежали комнату, как будто она знала, о чём думают десятки собравшихся знатных людей. Предполагалось, что эта беседа будет чистой формальностью, предшествующей моему обезглавливанию, перед обедом.

– Небольшой вопрос мистической теологии, ваше величество. Мы поспорили из-за того, не был ли я на самом деле ребёнком демона, которого Чёрные Тени подбросили взамен его настоящего сына.

Строго говоря, произошло другое, но это было чуть менее унижительно, чем правда.

– Очень хорошо, – сказала королева, не обратив внимание на то, что я считал прекрасным юмором висельника. – Вас уведомили, и вы полностью понимаете, почему вы здесь, господин Келлен?

– Потому что я нарушил закон, ваше величество. О, и потому что сегодня моё восемнадцатилетие, что даёт право вынести мне смертный приговор здесь, среди вашего прекрасного, цивилизованного народа.

У неё был слегка удивлённый вид.

– Вы довольно молоды, чтобы вас казнили за измену, если не возражаете, что я так говорю.

– Вы чуточку молоды, чтобы посылать меня на смерть, если не возражаете, что я так говорю, – ответил я.

В комнате раздались смешки, и лицо королевы нерешительно дрогнуло. Она гадала – не потешаюсь ли я над ней. Королева или нет, она была одиннадцатилетней девочкой в комнате, полной взрослых... Ну, одиннадцатилетней девочкой, если вы не купились на дароменские громкие фразы о том, что их правительница – это реинкарнированная душа целого ряда предыдущих монархов, отчего её возраст становился эдак под две тысячи лет.

Харрекс снова ударил меня по затылку.

– Маршал, – сказал я, не оборачиваясь, – если вы будете и дальше продолжите гладить меня по головке, люди начнут думать, что вы ко мне равнодушны.

Я услышал, как что-то острое выскользнуло из его ножен.

– Маршал, – мягко и спокойно упрекнула девочка, – зачем вы обнажили клинок перед своей королевой?

Это едва ли был вопрос. Она восстановила своё главенство в комнате, не топая ножками и не повышая голоса.

«Хорошая тактика», – подумал я.

Какое бы там оружие ни вытащил Харрекс, оно было быстро убрано.

– Простите, ваше величество. Я лишь стремился обеспечить вашу безопасность.

Напрашивалась дюжина логических ответов от «я знаю, что вы думаете только о моих интересах» до «парень стоит на коленях, в наручниках, которые нельзя снять, – вы что, идиот?». Королева ничего подобного не сказала. По сути, она долгое время вообще ничего не говорила.

– Господин Келлен, теперь мы продолжим, – в конце концов произнесла она. – Я спрашиваю ещё раз – сообщили ли вам, полностью ли вы осознаете, почему вы сегодня передо мной?

Вот оно, дароменское правосудие в действии. Дароменцы считают смертный приговор настолько гнусным и настолько попирающим общественное благо, что даже когда суд магистрата уже рассмотрел ваше дело, когда этот самый магистрат вместе со своим уважаемым Советом Девяти вынес решение, смертный приговор не может быть приведён в исполнение, пока сама королева не допросит подсудимого и не вынесет вердикт. И опять-таки, как и всё, что делают дароменцы, это выглядит очень цивилизованным – пока ты не догадаешься, что беседа с королевой занимает в среднем две минуты и ни один монарх никогда, ни разу за последние двести лет не отменял вердикт магистрата.

– Мне сообщили, и я понимаю, – ответил я вопреки всем ожиданиям.

В комнате стало тихо. Обычно обвиняемый или говорит, что ему ничего не сказали, или что он не понимает вердикт. Но это ни на что не влияет, потому что в подобном случае один из

маршалов просто повторит вердикт, а потом тебя всё равно убьют. Мой план давал ненамного больше шансов, но его достоинство заключалось в его оригинальности.

Я понял, что меня собираются убить, что бы я ни сказал. Прямо здесь, перед королевой (потому что дароменское чувство справедливости конечно же требует, чтобы одиннадцатилетняя девочка, убивая кого-то, стала свидетельницей того, как это происходит). У меня не было никакого оружия, и, конечно, у меня отобрали футляры с порошками. Меня снова обыскали с ног до головы, как только мы прибыли, – по моему мнению, для таких предположительно приличных людей слишком тщательно обыскали. Но, убедившись, что мне не удалось пронести оружие, они не проверили ни мои пальцы, ни ногти. Последние три дня плена я заботился о том, чтобы ни к чему не прикасаться этими пальцами. Есть, пить и ходить в туалет – всё это намного труднее без помощи рук, уж поверьте.

Поэтому теперь я считал, что шансы на то, что у меня на пальцах осталось достаточно порошка на единственный взрыв, – пятьдесят на пятьдесят. Когда мне зададут вопрос: какова моя последняя просьба, я попрошу, чтобы с меня сняли наручники, дабы я мог встретить смерть с неким подобием свободы. Опять же, план без всяких гарантий, но они не слишком беспокоятся, ведь вряд ли мне позволят приблизиться к королеве хотя бы на два фута. Но даже со следами порошка на пальцах я смогу метнуть заклинание на добрых пять ярдов. Поэтому идея заключалась в том, чтобы заставить снять с меня наручники, а потом взорвать этого милого, деликатного одиннадцатилетнего ребёнка, заставив её мигом воссоединиться с предками.

Вы можете спросить – а какой от этого будет толк? Вероятно, никакого. Вероятно, некий так называемый «герой» просто убьёт меня на месте, чтобы прославиться. Но вот в чём дело: у каждого правителя есть враги. Всегда есть какой-нибудь граф Такой-то или барон Сякой-то, которые считают, что править полагалось бы им, а не сопливой девчонке с претензиями на принадлежность к некому мистическому реинкарнирующемуся роду. Поэтому имелся шанс – маленький шансик, но хоть какой-то, – что Элита Забана не врал, и, если я убью королеву, некая часть двора перехватит власть, прежде чем два маршала за моей спиной воткнут клинки мне в затылок. В конце концов, я мог быть ассасином, которому заплатил парень, собирающийся занять трон.

Итак, в лучшем случае выдвигается некто, испытывающий ко мне легкую благодарность за то, что я избавил его от конкурента. В худшем случае я убью девочку, которая не сделала ничего плохого. Ну, не считая того, что приговорила меня к смерти.

Харрекс снова меня ударил – не сильно, просто чтобы напомнить мне, что я всё ещё тут.

– Её величество задала тебе вопрос, изгой. Отвечай.

Я потряс головой, пытаюсь вспомнить, о чём она говорила.

– Простите, ваше величество, я отвлёкся.

В комнате снова засмеялись.

– Я спросила, почему вы сделали то, что сделали, господин Келлен, – сказала королева.

– Вытер кровь флагом?

Я посмотрел на пятна на своей потрёпанной путешествиями одежде.

– Я не хотел испачкать свою лучшую рубашку. Они дорогие, знаете ли.

– Я говорю о человеке, которого вы убили.

Высокая наставница с каштановыми волосами шагнула из-за трона.

– Ваше величество, у вас сегодня много уроков. Вы должны быстро покончить с этим делом.

По всем общепринятым меркам наставница казалась красивой женщиной, пока я не заметил, с каким выражением лица она на меня смотрит. После чего она очень быстро стала по-настоящему уродливой.

– У меня всё ещё есть вопросы к господину Келлену, – слегка нерешительно ответила королева.

Мужчина повыше наставницы, чьи редкие седые волосы противоречили его телосложению солдата, положил руку на спинку трона.

– Ваше величество знает, что если нам приходится задерживаться, уроки обычно становятся более... трудными.

На его лице играла искренняя улыбка.

Королева быстро взглянула мне в глаза. Это было странное, инстинктивное движение, как будто она надеялась на поддержку. «Эй, не смотри на меня, девочка. Мне плевать, насколько трудными они делают твои уроки арифметики».

Она взяла себя в руки.

– Тем не менее, наставник Кореш, таков мой королевский долг и прерогатива – позаботиться, чтобы смертный приговор соответствовал преступлениям обвиняемого.

Мужчина снял руку с трона и шагнул назад. Он всё ещё улыбался, но не по-настоящему, если вы понимаете, что я имею в виду.

Я кашлянул.

– Отвечая на ваш вопрос, ваше величество: я сделал то, что сделал, потому что полагал это адекватной ответной мерой.

Теперь королева глядела на меня широко раскрытыми недоверчивыми глазами.

– Вы оборвали человеческую жизнь из-за игры в карты, господин Келлен. Это вряд ли адекватная ответная мера на игру!

– А, – только и сказал я.

– Что?

– Правильно ли я предполагаю: хотя у вас, похоже, нет недостатка в наставниках, но наставника в картах нет?

– Вы правы, господин Келлен. У меня нет наставника в картах. А почему он должен у меня быть?

– Просто потому, что карты – не игра.

– И что же они такое, если не игра?

– Они – карта мира, ваше величество. Предсказание будущего. Переговоры между воюющими государствами. И всем нам приходится играть теми картами, которые нам выпали.

– Что ж, это, похоже, важные сведения для королевы.

И снова беспокойный танец её глаз, но лишь на короткий миг. Потом я увидел нечто совершенно другое – выражение, неожиданное для лица маленькой девочки: у неё был вид игрока, который собирается блефануть перед другим игроком. Она повернулась к Корешу и двум женщинам за троном.

– Учёные наставники, есть ли среди вас тот, кто учит играм в карты?

На сей раз ответила госпожа с каштановыми волосами:

– Ваше величество, мы – наставники королевского дома. Мы не играем с куклами, мы не читаем сказок и не развлекаемся картами.

– Вашему величеству следует подумать о своих уроках, – сказала светловолосая наставница.

Она была чуть младше остальных и, в отличие от своих коллег, говорила так, будто искренне заботилась о королеве.

– Ваши наставники дерзкие, – сказал я. – Удивляюсь, что вы не приказываете их высечь, ваше величество.

– Похоже, они и наполовину не такие дерзкие, как вы, мастер картёжник.

Я пожал плечами.

– Мертвецу не нужны хорошие манеры. Но, если ваше величество желает, я буду счастлив высечь любого вашего подданного, которого вы считаете заслуживающим порки. О, я даже мог бы порекомендовать, чтобы мы начали с этого моего друга, маршала Харрекса. Конечно, если вы не предпочитаете, чтобы я сперва высек ваших наставников, что тоже было бы неплохо.

– Убейте этого дурака! – закричал седовласый наставник Кореш маршалам за моей спиной.

– Ах, – сказала королева – мягкое и спокойное противопоставление гневу наставника, – вижу, вы не совсем понимаете наши обычаи, господин Келлен.

– Не понимаю, ваше величество. Неучёному изгою вроде меня сдаётся, что ваш наставник только что пытался перечить своей правительнице. В большинстве мест, где я бывал, это сочли бы изменой.

– Да, я понимаю ваше замешательство, – сказала королева. – Вы не знаете, что королевские наставники не подлежат никакому наказанию со стороны нашей императорской персоны.

Я посмотрел на неё, чтобы убедиться – она не шутит. Моя бывшая наставница-аргоси, Фериус Перфекс, раньше говорила мне о чём-то подобном, обучая обычаям мира, но я всегда считал: это просто разновидность дароменской брехни о справедливости и хорошем правлении, маскирующая тот факт, что правители обычно делают всё, что захотят.

– Вижу, вы относитесь к моим словам с недоверием, господин Келлен. Но уверяю вас, это правда. В конце концов, разве могут королевские наставники дать образование юному монарху, если им приходится бояться наказания за то, что они назначили уроки или осудили плохо сделанное задание?

– Итак, троица там, позади вас, стоит превыше закона?

Королева покачала головой.

– Нет, ни один гражданин не стоит превыше закона. По правилам наставник может быть уволен, как только мне исполнится тринадцать, или если за его увольнение выскажется четыре пятых аристократов при моём дворе. В этот момент он теряет право на особую защиту.

Я посмотрел на трёх наставников позади королевы. Не похоже, чтобы их слишком беспокоила такая возможность.

– Простите, ваше величество, но мне трудно вообразить, чтобы четыре пятых любой группы людей смогли сойтись на том, что солнце светит.

Кореш шагнул вперёд, снова опустив руку на спинку трона – так, будто трон принадлежал ему.

– Это для того, чтобы позаботиться о должном образовании юного монарха, ты, высокомерный дурак из приграничья. Ты можешь вообразить народ, которым правит невежественное и недисциплинированное дитя?

– Я думал, её величеству больше двух тысяч лет.

Королева заговорила раньше остальных:

– Моя душа и вправду является душой первых дароменских королей и королев. Но мое тело и... некоторые это оспаривают... мой разум – всё ещё тело и разум маленькой девочки. Поэтому мне нужны наставники, и они должны иметь определённые... дискреционные полномочия.

Она быстро потёрла край своего рукава. На мгновение показалась маленькая часть её левой руки. Под розовым кружевом я увидел то, что смахивало на метку. На родинку.

– Мы все должны – как вы выразились? «Играть картами, которые нам выпали»?

Я небрежно кивнул, как будто ничего не заметил.

– Понимаю. И ценю время, которое ваше величество милостиво тратит на обдумывание моего дела, откладывая свои уроки. Могу я попросить лишь об одном – чтобы маршалы сняли с меня наручники перед тем, как меня обезглавить?

Она насмешливо улыбнулась.

– Похоже, вам не терпится расстаться с жизнью, господин Келлен. Я задерживаю вас, отвлекая от чего-то важного?

Двор снова рассмеялся, после чего послышалось нечто вроде всеобщего расстроенного вздоха. Наверное, то было рекордное время для одного из королевских допросов, и мы, в конце концов, не давали всем пообедать. Я собирался ответить, когда королева внезапно спросила:

– Вы сыграете со мной в карты, господин Келлен?

– Ваше величество... – предупредила наставница с каштановыми волосами.

– Умолкните, наставница Аррасия, – огрызнулась королева. – Я пока ещё королева Дарома?

Ответа не последовало.

– Я задала вопрос, наставница Аррасия, – я пока ещё королева этого народа?

Аррасия выжидала до последней возможности, прежде чем, наконец, ответить:

– Конечно. Никто не ставит под сомнение, что вы наша правительница.

– Тогда я изучу все возможные способы стать самым лучшим правителем, – сказала королева. – Итак, господин Келлен, вы утверждаете, что карточная игра – нечто куда более важное, чем я предполагала. По-видимому, она сто́ит человеческой жизни, а может, даже больше, если вам верить. Вот почему я хочу понять этот феномен. Поэтому спрашиваю ещё раз, господин Келлен: вы сыграете со мной в карты?

Мои мысли понеслись вскачь, когда я попытался догадаться, что она замышляет. Это какой-то трюк? Как такое возможно? В числе самых важных уроков, какие преподала мне Фериус, был арта превис – талант убеждения. И в данную минуту этот талант говорил мне: «Подыграй». Но дело в том, что мне всегда лучше удавался арта валар – или то, что Фериус называет «бахвальством», потому я решил немного испытать удачу.

– Ваше величество, боюсь, я не смогу добросовестно выполнить вашу просьбу.

– Почему?

– Потому что человек не может играть в карты без ставки.

– Что такое «ставка»?

– Пари, ваше величество. Каждый из нас должен иметь то, что выиграет или проиграет. Иначе карточная игра станет бессмысленной.

Королева задумчиво кивнула.

– А, понимаю. Что будет подходящей ставкой в данном случае, господин Келлен?

– Ну... Полагаю, вы могли бы даровать мне жизнь, если я выиграю.

Аррасия глумливо усмехнулась. Лицо Кореша было не на шутку обеспокоенным. Светловолосая наставница выглядела слегка озадаченной.

– Понимаю, – повторила королева. – А если я выиграю, что я получу?

Я беспомощно пожал плечами.

– Боюсь, мне нечего предложить, поскольку моя жизнь уже в ваших руках.

Королева с минуту поразмыслила.

– Это правда, – сказала она, – в моей власти решить, жить вам или умереть, но я согласна принять вашу жизнь как ставку.

Я печально покачал головой.

– Увы, ваше величество, так не получится. Видите ли, поскольку проигрыш не сделает меня более мёртвым, чем отказ от игры, я буду склонен играть безрассудно. Если бы у меня было что-нибудь настоящее, чтобы поставить на кон, это повлияло бы на мои решения.

– Очень хорошо. Если я проиграю, вы будете вольны уйти. Если я выиграю, у вас заберут жизнь без права на последнее желание. Я знаю, это немного – лишиться глотка вина или последнего слова, – но, может быть, хватит, чтобы удержать вас от чересчур безрассудной игры.

Я почувствовал, как глаза мои широко распахнулись. Да, это проблема. Теперь, если я проиграю (как ни трудно такое вообразить, ведь моя противница – одиннадцатилетняя

девочка, которая даже не знает, что такое «ставка»), я не смогу потребовать, чтобы с меня перед казнью сняли наручники. Если я выиграю, освободит ли меня королева, как обещает? Она ведь потеряет уважение всего двора.

Королева исподтишка потёрла кружево на шее, обнажив пожелтевшую кожу вокруг пятна потемнее. Я не сомневался – это синяк. Что она замышляет? Каков её завершающий ход? И почему, о предки, я не обращал больше внимания на уроки Фериус, когда та пыталась научить меня арта превис?

Я продолжал надеяться, что кольца вокруг моего глаза начнут поворачиваться, как шестерёнки замка, и откроют в видении правду. В Эбеновом аббатстве другие Чёрные Тени называли такую способность энигматизмом. Ужасно впечатляющее название для того, что по большей части награждало меня головной болью и никогда не давало ответов, если мне случайно не приходил в голову абсолютно правильный вопрос.

«Что она замышляет?» – нерешительно спросил я.

Ничего. Никакого красноречивого пощипывания кожи вокруг глаза, никаких таинственных озарений насчёт тайных мотивов. Этот кон я сыграю на свой страх и риск. За последнюю пару лет я стал дьявольски хорошим игроком, поэтому, если не смогу победить одиннадцатилетнюю девчонку в её первой игре, пусть забирает мою голову.

– Я согласен на ваши условия, – сказал я.

– Довольно! – закричал Кореш, вероятно, не в силах больше сдерживать презрение ко мне или к королеве. – Магистрат Чапрек, не могли бы вы посоветовать её величеству соблюдать приличия? Или я должен сделать это сам?

Магистрат, сопроводивший нас в зал суда – тот самый старик, который недавно вынес мне приговор, – шагнул вперёд. Мне редко доводилось видеть человека, так сильно нуждавшегося в маскирующих чарах, чтобы исчезнуть.

– Ваше величество, – осторожно проговорил он, – ваша прерогатива допрашивать подсудимого так, как вы считаете нужным, и вынести приговор – будь то жизнь или смерть – так, как вы считаете нужным.

Кореш бросил на Чапрека угрожающий взгляд.

– Однако, – продолжал магистрат, – подумайте о последствиях своего поступка. Если вы проиграете этому человеку, этому картёжнику... суд окажется в неловком положении, поскольку...

– Понимаю, – ответила королева. Её голос был таким же мягким, как всегда, но в комнате почему-то стало немного прохладнее. – Вы хотите сказать, почтенный магистрат, что, по вашему, двухтысячелетняя правительница дароменской династии будет побеждена в испытании умов заядлым карточным кидалой?

Странно... Большинство людей не знали, что такое карточный кидала – особенно те, кто сами никогда не играли. Королева знала о моей профессии больше, чем хотела показать. Со своей стороны, магистрат Чапрек выглядел, как человек, внезапно осознавший, что стоит по пояс в зыбучих песках.

– Я... Нет, конечно нет, но...

– Или вы предпочли бы сказать двору, что, поскольку я всего лишь глупая одиннадцатилетняя девочка, я наверняка проиграю в простой карточной игре?

– Я... Ваше величество, это...

– Будьте добры ответить на вопрос, который задала ваша королева, почтенный магистрат.

Чапрек оказался лицом к лицу с неприятной дилеммой. Если он и вправду верит, что королева – двухтысячелетняя душа, у него нет никаких оснований сомневаться в её способности выиграть партию в карты. Если он будет настаивать на возможности её проигрыша, он тем самым объявит, что правительница Дарома – всего лишь одиннадцатилетняя девочка. Надо отдать должное её величеству: она умела блефовать.

Магистрат, шаркая, отступил обратно в толпу.

– Конечно, ваше величество, простите мою дерзость.

– Что ж, отлично. Мы с господином Келленом сыграем партию и увидим, чей разум острее. А теперь – у кого-нибудь есть колода карт?

В комнате наступила тишина, пока аристократы переминались с ноги на ногу и поглядывали друг на друга. Прошло около минуты, и тут за моей спиной кашлянули.

– Я, э-э... Кажется, у меня есть при себе колода, ваше величество, – сказал грубый голос. Королева приподняла бровь.

– Маршал Харрекс, если я правильно поняла, вы держите при себе колоду карт?

– О нет, ваше величество... В смысле, да... В смысле – я, наверное, конфисковал их у кого-то и забыл от них избавиться.

Не обращая внимания на маленький скандал, королева сказала:

– Тогда нам повезло. Кто-нибудь, принесите стул для господина Келлена и стол. И ради бога, кто-нибудь, снимите с него наручники. Вряд ли он попытается меня убить, когда вы все здесь готовы меня защитить, верно?

Среди собравшихся послышались бормотание и ропот, но слуги всё-таки принесли маленький простой столик и стул, в то время как Харрекс расстегнул мои наручники.

Я сел на стул и, гадая, что делать дальше, посмотрел на колоду карт, лежащую между мной и королевой. Проблема заключалась в картах. Если я начну их тасовать, порошок с моих рук осыплется, и все мои попытки сохранить на пальцах достаточно крупинок, чтобы воспламенить своё заклинание, пойдут прахом.

Азартные игры приводят в действие вероятности. К несчастью и для меня, и для королевы, с точки зрения статистики лучшим ходом было её поджарить и надеяться, что благодаря этому я кому-то понравлюсь. Но перспектива переиграть предположительно двухтысячелетнюю правительницу Дарома, чтобы выйти отсюда свободным человеком и показать нос самой могущественной империи мира – немалое искушение. Я всегда оказывался на стороне проигравших сил. Всегда. Единственное, что помогло мне остаться в живых так долго, это то, что время от времени я рисковал.

– В какую игру сыграем, ваше величество? – небрежно спросил я.

– Прошу прощения?

– В какую игру? «Загон скота»? «Стрит и тузы»? «Королевский двор»? «Неровные ступеньки»?

– Подождите, – сказала королева. – Как вы сказали – «Королевский двор»? Расскажите мне об этой игре.

Я улыбнулся, взял колоду в правую руку и начал её тасовать, ощупывая карты, чтобы проверить – не краплёная ли колода у Харрекса, нет ли у некоторых карт заломов, помогающих ему жульничать. Это была дароменская колода, к которой я не привык. Фериус научила меня дюжине игр риска и стратегии, но мы редко играли колодой в шестьдесят пять карт: четыре масти, в каждой есть туз, девять нумерованных карт и пять картинок, а в придачу четыре разноцветных джокера, которые в дароменской колоде имели вполне подходящее название – «изгой».

– Что ж, ваше величество. Интересно, что вы выбрали «Королевский двор»...

– Потому что я королева?

– Нет. Хотя, полагаю, это тоже было бы логично. Но ваш выбор заинтересовал меня потому, что большинство игроков считают: «Королевский двор» раньше был куда более старой игрой под названием «Приграничье четырёх карт».

– Почему это важно?

– Ну, ваше величество, игра «Приграничье четырёх карт» пришла со старого континента, с равнин маленького местечка, некогда называвшегося Даромис – много, много веков назад, ещё до того, как её народ пересёк море.

Среди собравшейся знати пробежал шепоток. Даже наставники как будто заинтересовались.

– Эй, так и есть, – сказал за моей спиной Харрекс. – Кажется, я тоже об этом слышал.

Я сдал карты, мне и королеве по четыре, а ещё четыре положил картинкой вниз по углам стола.

– Четыре угловых карты – это «двор», – сказал я. – Игра простая. Чем больше у вас однотипных карт, тем лучше. Мы по очереди вытаскиваем из колоды по одной карте. Каждый раз, когда вы тащите карту, вы должны сбросить одну свою вверх картинкой в любой из четырёх углов двора. Ни в одном углу не может быть больше четырёх карт. Игра заканчивается, когда каждый из четырёх углов наполняется и на руках у нас остаётся по четыре карты. Вы можете играть теми картами, которые у вас на руках, можете взять карты из одного угла или сделать и то и другое. Но если вы выбираете и то и другое, вы должны взять карты в две руки, и карты в каждой руке должны побить мои. Вы имеете право первой взять ближайшие к вам углы, я имею право первым взять ближайшие ко мне.

Сутью «Королевского двора» являлись четыре угла: вы наблюдаете за другим игроком, чтобы увидеть, как он среагирует на то, что в каждом углу, и пытаетесь с помощью этих наблюдений угадать, какие карты на руках противника.

Королева рассмотрела свои карты, раскрыв их веером.

– А, понимаю. Итак, если карты в углу дополняют те, что у меня в руке, я могу собрать две более сильных сдачи, чем если бы я пользовалась единственным набором карт?

Я кивнул.

– Верно, но с тем же успехом вы можете застрять с одной отличной сдачей в руке и одной ужасной сдачей и тогда, скорее всего, проиграете. Поэтому есть пара разных стратегий. Вы можете просто играть, а можете скидывать в угол карты, которые вам понадобятся позднее, но тогда вы рискуете, что я возьму под контроль этот угол, складывая туда плохие карты.

– Значит, в игре все в точности как в жизни. Если я «скидываю», как вы сказали, одну часть моего двора, у которой слишком большое влияние, я рискую, что кто-то другой возьмёт контроль над двором, «скидывая» туда своих людей.

Я прикусил губу.

– Вы быстро учитесь, ваше величество.

Королева улыбнулась, по-видимому, довольная моей похвалой.

– Спасибо, мастер картёжник. Думаю, теперь я возьму карту.

Она взяла карту из колоды.

– Теперь вам понадобится какое-то время, чтобы... – начал я.

Она немедленно вытащила одну из своих средних карт и бросила её картинкой вверх в ближайший правый от меня угол.

– Или, полагаю, можете просто сделать вот так.

Я посмотрел на карту, которую она скинула. Это был валет колесниц.

– Довольно ценная карта, чтобы её сбрасывать, – заметил я.

Королева не ответила, а просто безмятежно посмотрела на меня.

Я взял карту из колоды. Не собираюсь рассказывать, какая у меня была сдача, потому что... Ну, нельзя приобретать такую дурную привычку. Достаточно сказать, что, по-моему, всё было в порядке. Я сбросил в левый от меня угол.

– Опять моя очередь? – спросила королева.

Я кивнул.

Она взяла вторую карту, потом сбросила ещё одного валета – на этот раз валета стрел. Она кинула его в тот же угол, что и раньше. Опасный ход, если только она не собиралась брать из этого угла. Но угол был на моей стороне стола, поэтому я имел право первым пользоваться им.

– Когда вы играли в карты с человеком, с которым потом дрались и убили его, ставки были очень высокими? – спросила королева. В её тоне едва угадывался хоть какой-то интерес.

– По правде говоря, дельце было небольшое, ваше величество. Мы поспорили из-за кобылы.

Я сбросил тройку клинков в угол, который она пополняла.

– И какова была природа разногласий? – спросила королева, взяв ещё одну карту.

– Я считал, что он слишком загоняет свою кобылу. Стыдно портить хорошую лошадь. Поэтому я предложил её купить. Он считал, что она стоит дороже, но мы сошлись на том, что я заплачу куда больше, если проиграю, или возьму её даром, если выиграю.

Королева уронила свою карту, на этот раз короля требушетов, в угол рядом с моей левой рукой. Она, похоже, не очень-то хорошо играла.

– Я не уверен, что вы до конца поняли правила игры, ваше величество. Не хотите ли, чтобы я объяснил их снова?

– Благодарю, думаю, я достаточно хорошо их поняла.

Я пожал плечами и взял следующую карту. Двойка колесниц. Мелочь. Наверное, мне стоит больше беспокоиться о собственной сдаче.

– Итак, – продолжала королева, – когда этот человек, Меррел из Бетриана, попытался сжальничать в карточной игре, поставив на кон всего лишь кобылу, которая на самом деле не очень-то была вам нужна, вы его убили.

– Откровенно говоря, ваше величество, я взял на себя труд спровоцировать его на поединок. Он был просто не очень хорошим дуэлянтом.

Я сбросил короля стрел в угол справа от королевы. Я сомневался, что мне придёт много таких карт, и думал, что лучше вывести их из игры, разбросав там и тут.

Королева посмотрела на меня.

– Это то, что вы называете «блефом», господин Келлен?

Вопрос меня удивил.

– Нет, ваше величество. Видите ли, мешая королям скапливаться, я...

– Нет-нет. Я имею в виду то, что вы солгали мне об игре с Меррелом из Бетриана, – небрежно сказала она, взяв ещё одну карту. – Вы сражались не из-за кобылы, не так ли?

Я на мгновение задумался, как бы ответить, но потом просто ответил. На самом деле мне нужно было сосредоточиться на картах, а не на игре.

– Да, ваше величество, на самом деле это была не кобыла.

– Женщина.

– Да.

– Вообще-то, жена того человека.

– Да.

– Но вы всё ещё лжёте мне, не так ли, господин Келлен? – спросила королева.

– Со всем уважением, ваше величество, я не понимаю, как...

– Это была и не женщина, верно?

Я на мгновение положил свои карты на стол рубашками вверх. Я знал, какие карты у меня на руках, знал, какие лежат по углам, и почти не сомневался, какие держит королева. Она хорошо играла – почти мастерски, если уж на то пошло. И уж наверняка лучше, чем имеет право играть одиннадцатилетняя девочка, только что выучившая правила. Но недостаточно хорошо. Мы с ней приближались к последней карте, и я знал, что могу выиграть.

– Да, ваше величество. Было бы правильней назвать её девочкой.

– Ей было двенадцать, – сказала королева.

Я кивнул, гадая, как она сумела это выяснить.

– На год старше, чем я сейчас.

– Да.

– Вы убили человека за шулерскую игру, потому что знали, что он будет и дальше... какой очаровательный эвфемизм вы упомянули перед моим двором? «Слишком загонять свою кобылу»?

– Откуда вы всё это знаете, ваше величество? – спросил я.

Пришла её очередь или сыграть тем, что у неё на руках, или одной из карт из угла, или тем и другим. Но она не двигалась.

– И вы не рассказали всё магистрату, потому что...

– Потому что это ничего бы не изменило.

Королева кивнула.

– Потому что закон есть закон, и в Дароме двенадцать – достаточно зрелый возраст, чтобы выйти замуж, если родители дают разрешение, неважно, каким бы старым и жестоким ни был муж.

– Верно.

– Потому что если бы вы пошли к маршалам, издевательства бы не прекратились. Вот почему вы разыграли карты, которые вам выпали. Зная, что факты не помогли бы в суде, вы решили вместо этого положиться на ум.

Я покачал головой. Во мне росло раздражение из-за того, что меня осыпал вопросами ребёнок.

– Нет, как я уже сказал...

– Вы рассказали им, что поспорили из-за кобылы, потому что в глазах закона кобыла или двенадцатилетняя девочка – всё едино. Она всё равно была его собственностью.

– Мне пришлось...

– Вы... Как такое называется? Вы «сбросили карты».

Она не давала мне закончить ни одной фразы.

– Проклятье. Я сверился с юридическими книгами, там нет...

– Вы ничему и никому не доверяете, кроме себя самого, верно?

– Больше мне некому доверять! – сказал я.

Вообще-то не сказал, а прокричал.

– Вы просто играете теми картами, которые вам выпали.

– Это всё, что я могу сделать!

– Это всё, что может сделать каждый из нас, не так ли, господин Келлен? – Голос королевы внезапно снова стал мягким и тихим. – Теперь смотрите на стол и играйте... вашими... картами...

Наши взгляды встретились, и мы не отвели глаз. Что она делает? Какой во всём этом смысл? Аристократы стояли тихо, как смерть. В глазах наставников читалось убийство. Я начал с простого, глупого, невероятного плана, а теперь не был уверен, кто кем играет.

Королева всего на мгновение прикрыла глаза.

– У нас истекает время, мастер картёжник. Я должна идти на уроки и не могу больше заставлять своих наставников ждать. Посмотрите на стол и примите решение.

Я посмотрел на карты. Королева выложила свои оставшиеся карты картинками вверх. Три десятки и валет. Солидная сдача, но неправильная. Она могла бы взять джокером и сразу выиграть, но джокеров она положила с моей стороны, где я имел право взять их первым. Что-то в выложенных картах меня беспокоило. «Четыре угла, – подумал я. – В них нет смысла».

Королева положила двух джокеров в один и тот же угол с моей стороны стола – как можно дальше от себя. Глупый ход. Я был ближе к ним и мог взять их раньше её. Она сбросила коро-

леву требушетов рядом с собой. Но ещё она положила карты меньшего достоинства – двойку и семёрку – поверх королевы, ослабив угол. Там не было никакой силы. Вся сила была у джокеров.

Я на секунду взглянул на королеву. Она знала, что у меня на руках изгой клинков. Она должна была это знать, поскольку карта нигде больше не проявлялась. В некоторых играх изгой были козырями, но не в «Королевском дворе». Три короля на столе распределились по трём разным углам. Нечем там играть. Всё, что мне оставалось сделать, – это взять угол с остальными джокерами, и я выиграю. Бессмыслица! Королева явно знала игру – куда лучше, чем давала понять, – но сперва вела мастерскую стратегию, а потом предоставила мне решить, чем всё закончится. Я должен был быть дураком, чтобы не выиграть. Она что, позволяет мне победить? Почему? С какой стати?

Я поднял взгляд от стола, заглянул в глаза королевы и увидел навернувшиеся на них слёзы, как облака, собирающиеся закрыть ослепительное солнце. То, что таилось в её глазах, заставило меня впервые увидеть весь стол. А ещё то, что я вспомнил, как Фериус некогда рассказала мне на одной из своих магических попок: джокеры в дароменской колоде символизируют тайное знание и ученические занятия, вот почему дароменцы называют их по-другому.

«Наставники».

Несмотря на всю кажущуюся небрежность этого процессуального допроса, королева знала, кто я такой – вообще-то, знала с самого начала. Изгой, меткий маг с плохой репутацией и длинным списком врагов. Мертвец, если я войду в Берабеск; тот, на кого джен-теп выдали ордер-заклинание; непрошенный гость в Гитабрии; человек, недостойный внимания в Дароменской империи – пока я не совершил ошибку, нацелившись на типа, который не перестал бы избивать свою двенадцатилетнюю жену. Моё повседневное выживание зависело от нескольких трюков, склонности к нечестной драке и желания играть на глупости людей умнее и намного могущественней меня самого. Эта одиннадцатилетняя королева только что подбила меня на игру в карты, которая была для неё лишь способом показать мне, что на самом деле происходит при дароменском дворе.

Действительно ли эта одиннадцатилетняя правительница хранит мудрость восьмидесяти поколений монархов? Я понятия не имел. Но сейчас, в данный момент? Она была перепуганной одиннадцатилетней девочкой, которую бьют и жгут её наставники, и она знала, что пройдёт немного времени, прежде чем они сделают кое-что похуже. Её окружали слабые люди. Двойки и семёрки, которые не будут её защищать или не смогут. Сильные карты – джокеры – не собирались позволить королеве дожить до её тринадцатилетия, когда она будет вольна править так, как сочтёт нужным.

– Пора, господин Келлен. Теперь вы должны сделать выбор.

Она подстроила мой выигрыш, без вопросов. Она как будто пыталась показать мне, что я могу ей доверять. Но куда это её приведёт? Она действительно просит меня отказаться от выигрыша? Отдать мой шанс на жизнь и свободу и довериться, что она меня прикроет? Я явился сюда, чтобы прикончить эту девочку в надежде на малый шанс спасти мою шкуру. Моя жизнь уже была в её руках, но теперь королева хотела, чтобы я сознательно её ей вручил.

Я посмотрел на угол с джокерами. Они были наставниками. Если я возьму их – я встану на их сторону. Она хотела, чтобы я выбрал угол с одинокой королевой.

«Проклятие, – подумал я, потянувшись за картами в углу, – Фериус предупреждала меня, как опасно играть на что-либо, кроме собственного кошелька».

– Королева выиграла! – объявил маршал Харрекс, когда я бросил на стол все свои карты.

Среди них не было ничего стоящего, кроме одинокой королевы и ещё более одинокого изгоя клинков.

Толпа заплодировала. Громко. Их юная королева только что выиграла первую партию в карты и победила того, кто играл в карты каждый день жизни! Аристократы так гордились собой, что могли бы обмочиться и всё равно расхаживали бы с улыбками.

Королева не стала тратить время на то, чтобы понежиться в лучах их благожелательности.

– Что ж, это было презабавно, – сказала она, поднявшись. – Я решила, что, хотя господин Келлен явно ошибся насчёт важности карт, карточная игра всё-таки прекрасный способ провести время. Сим я прошу мой единый двор одобрить его назначение моим наставником в картах.

Кое-кто из знати засмеялся, раздалось несколько одобрительных возгласов. Аррасию это не позабавило.

– Нет! Это оскорбление королевских наставников.

– Да будет вам! – закричал кто-то.

– Ваше величество, – сказал Кореш (на его словах повисли сосульки), – двор имеет право обсудить и испытать любого наставника и проголосовать, годится ли он.

Королева разыграла свой самый большой блеф за этот день. Она повернулась и осмотрела толпу с театрально-усталым выражением лица.

– Королевский наставник Кореш прав. Если собравшийся двор того пожелает, можно и вправду отложить наш обед ещё на некоторое время, чтобы обсудить сравнительные достоинства назначения господина Келлена моим наставником в картах. Или, если большинство из четырёх пятых согласится, мы можем пропустить дебаты, назначить господина Келлена наставником в картах, и двор будет волен отправиться на трапезу.

Удивительно звучный хор «Да!» раздался в зале.

Аррасия начала что-то говорить, но королева её перебила.

– Магистрат Чапрек, по вашему высокоучённому мнению, «да» исходит от четырёх пятых двора?

Чапрек выступил вперёд, несчастный, но сдавшийся.

– Я бы сказал, воистину исходит, ваше величество.

– Значит, решено, – заявила королева. Её голос больше не был мягким, спокойным ветерком, который я слушал минувшие полчаса. Теперь он был сильным, резким и победным. – Сим господин Келлен назначается наставником в картах дароменского двора, со всеми правами, привилегиями и защитой, какие даёт эта должность.

Она повернулась ко мне и сказала уже тише:

– Хотя мне кажется, я бы устала от этих отметин вокруг левого глаза, господин Келлен. Если ваше служение мне и дальше будет таким же забавным, каким было сегодня, я могу пустить в ход кое-какие из моих значительных средств для поиска способов удаления этой «Чёрной Тени»... То есть, если вы сочтёте такие изменения приемлемыми.

Я попытался прочесть что-то в её глазах, но они были недвижимой спокойной водой.

«Ваше величество, вам или действительно две тысячи лет, или вы самая умная одиннадцатилетняя девочка, которую когда-либо видел мир».

– Полагаю, я смог бы приспособиться к такому результату, – сказал я.

Она улыбнулась и слегка кивнула. Между нами был заключён своего рода контракт, но только один из нас знал его точные условия. Королева развернулась и пошла к выходу в коридор в восточной стороне комнаты; слуги – за ней по пятам.

Королевские наставники остались.

– Я бы не торопился праздновать, – сказал мне Кореш достаточно тихо, чтобы не услышали те, кто покидал комнату со всей быстротой, с какой ноги могли уносить голодные животы.

– Вы не задержитесь здесь надолго, «наставник в картах», – издевательски проговорила Аррасия. – У вас нет друзей при дворе, нет основы власти. Через неделю вы снова будете стоять на коленях, а королевские уроки возобновятся с особенным пылом.

Кореш нависал надо мной, ожидая, что я съёжусь. На мгновение мне снова стало пятнадцать, я был пристёгнут к верстаку в полутёмном кабинете, надо мной стоял отец и окунал иглы в расплавленный металл, выжигая контрсигилы на татуировках вокруг моих предплечий, навеки лишая меня шанса стать истинным магом. Той ночью в его глазах горел самодовольный огонь, не слишком отличающийся от того, который я видел в глазах Кореша.

Фериус говорит, что самый опасный миг в жизни человека – это когда он только что спасся от смерти: осознание того, что ты совершил невозможное, делает тебя безрассудным. Полагаю, только это и оправдывает случившееся потом. Я посмотрел на светловолосую женщину, которая во время всех этих событий почти не раскрывала рта.

– Вы хотите что-нибудь добавить? – спросил я.

Она лишь на мгновение вскинула взгляд, прежде чем снова уставиться на мраморный пол.

– Я... Я служу желаниям её величества.

– И кто же вы? – спросил я.

– Я – Каранетта, господин Келлен. Я учу королеву математике и астрономии.

– Хмм... – Я кивнул. – Королева когда-нибудь получала синяки и ожоги на уроках математики и астрономии?

Женщина подняла глаза, слегка шокированная таким обвинением.

– Нет-нет. Её величество – самая талантливая ученица. Выдающийся ум. Она...

Я поднял руку.

– Прекрасно. Можете остаться.

Кореш толкнул меня рукой в плечо, и я невольно шагнул назад. Он был здоровяком и, наверное, мог бы одолеть меня в честном бою. Можно подумать, я когда-нибудь допущу честный бой.

– В каком смысле – «вы можете остаться»? – спросил он.

Я слегка засмеялся и покачал головой.

– Вы не поняли? Я думал, вам положено быть умниками.

– Поиграй с нами в игры, мальчик, и вскоре ты об этом пожалеешь.

Это заставило меня снова засмеяться.

– В самом деле? Вы всё ещё не смекнули? Придурок. Вы что, не слышали, что я раньше сказал? Я не играю в игры. У меня нет времени играть в игры. Думаете, я нужен королеве, чтобы обучать её карточной игре? Вы – глупые, высокомерные головорезы. Одиннадцатилетняя девочка, которую вы бьёте и обжигаете каждый день, только что наделила меня защитой королевского наставника. Здесь, перед всем двором. Меня нельзя привлечь ни за какой проступок. Единственный способ, которым можно от меня избавиться, – это суметь заставить четырёх двора меня уволить. Какова, по-вашему, вероятность, что в обозримом будущем кому-нибудь удастся этого добиться?

– Королевскому наставнику, которого находят мёртвым, нет пользы от королевской защиты, – улыбаясь, сказала Аррасия.

– Ты правильно поняла, тупица!

Фериус выбрала бы меня за это слово, но я почти не сомневался, что она нашла бы для Аррасии словечко ещё похуже.

– Королева разыграла изгой клинков не без причины, госпожа. Поэтому, если ты и твой придурковатый дружок не исчезнете к тому времени, как все вечером отправятся в постель, я убью вас во сне.

– Ты никогда...

– Нет? А как, по-вашему, я выживал всё это время? Джен-теп, от которого отреклись, почти без магии, с ордером-заклинанием за мою голову и с метками Чёрной Тени на лице? Я меткий маг, госпожа. Я полагаюсь на магию, у которой есть полшанса оторвать мне руки

всякий раз, когда я пускаю её в ход. И всё-таки я здесь. Думаете, я не знаю, как обойти любых стражников, или дружков, или охранные заклинания, которые вас здесь защищают? Думаете, я не постучусь к вам нынче ночью? Задайте себе один вопрос: вы и вправду хотите сыграть единственными картами, которые у вас на руках?

Аррасия начала было что-то говорить, но потом замолчала, повернулась и вышла через один из угловых проходов. Кореш последовал за ней. Я сделал несколько быстрых вдохов и выдохов, не в силах замедлить биение сердца – теперь, когда непосредственная опасность миновала.

В глазах Каранетты стояли слёзы. До этого момента я обращал на неё мало внимания. Она не казалась ни угрозой, ни союзницей, поэтому занимала мало места в моих мыслях.

– Мне так... так жаль, – сказала она. – Я знала, что они... Но я не такая, как Кореш или Аррасия. Я и вправду всего лишь учительница математики. У меня нет другой силы, кроме моих знаний, нет друзей или влияния при дворе. Я всего лишь...

Я хотел сказать: «Тогда какой от вас прок?» – но я только что едва избежал гибели в свой восемнадцатый день рождения, поставив на то, что одиннадцатилетняя девочка умнее всех политических сил при дароменском дворе. Я чувствовал себя милосердным.

– Идите. Просто преподайте королеве астрономию или что-нибудь ещё. Мне сказали, сегодня она пропустила большую часть своих уроков.

Каранетта мгновение медлила, как будто собиралась снова извиниться или начать открывать мне свои секреты. Вместо этого она кивнула и пошла прочь с глазами, полными слёз и душевной муки.

После её ухода я остался один-одинёшенек в зале королевского правосудия. Только сейчас мне пришло в голову, как невероятно глупо я себя вёл. Я был измучен, избит, весь в синяках, на незнакомой мне территории, без союзников и без плана – и только что объявил о своих намерениях убить двух человек, до последних мгновений достаточно могущественных, чтобы держать под контролем королеву Дарома. И здесь даже не было Рейчиса, чтобы это оценить.

Я посмотрел на стол, который мы слегка поцарапали во время нашей карточной игры. Кто-то оставил на нём мои наручники. Напоминание? Угроза? Что ж, не первая и не последняя.

Я взял наручники и сунул в карман куртки. Может, удастся найти того, кто сможет разрезать цепь, и я буду носить их как браслеты. Они оказались удивительно удобными.

Шутки

У изгоя есть всего один способ прожить дольше, чем первые несколько лет в бегах: встать на честный путь. Это не так уж трудно – всегда есть какой-нибудь доведённый до отчаяния город или богатый покровитель, которые пожелают заплатить за услуги тому, кто может обстригать грязные делишки быстро и тихо. Однако спустя некоторое время все мелочи цивилизации, без которых ты привык обходиться, начинают беспокоить, как зуд. И тогда просто вопрос времени, когда ты совершишь что-нибудь глупое – то, что напечалит людей, почему им вообще не нравятся изгои.

Глава 9 Необычный комфорт

Мне выделили симпатичную комнату на том же этаже, где находились королевские покои – полагаю, скорее из обычной любезности, чем потому, что я был там кому-то нужен.

Харрекс и Парсус ожидали меня у двери. Видимо, им поручили отдать мне мои футляры с порошком, колоду метательных карт, монеты кастрадази и даже пару длинных ножей, которые я забрал у Меррела из Бетриана. Я с лёгкой усмешкой жестом велел отдать мне порошки.

– А теперь послушайте, Келлен... Я имею в виду – наставник в картах... – начал Харрекс.

– Вы можете звать меня Келленом, – сказал я, – мы ведь старые друзья.

– Да ладно, у нас не было выбора. Мы должны были доставить вас сюда и...

Я взял футляры и прицепил к поясу справа и слева. Харрекс и Парсус невольно сделали шаг назад.

– Расслабьтесь, господа, – сказал я. – Мы в расчёте.

– В самом деле?

– Если бы вы захотели, вы могли бы обойтись со мной намного хуже. Я знаю, вам полагалось похвастаться своей крутизной. Но в дороге вы делали всё, как положено, и хорошо обращались с белкокотом, учитывая все обстоятельства. Если его не ранили с тех пор, как я видел его в последний раз, всё в порядке.

Я повернул ручку и начал открывать дверь.

– Подождите! – закричал Харрекс.

Что-то маленькое и мохнатое врзалось в меня с силой торнадо, ломающего сухое дерево. Я опрокинулся на спину, без надежды, машинально потянувшись к футлярам с порошками. Ударился головой о мраморный пол и увидел все звёзды.

– Келлен!

Я открыл глаза, чтобы лицезреть зубы, мех и глазки-бусинки.

– Проклятие, Рейчис, на чьей ты стороне?

Маленький засранец улыбнулся застенчивой кривой улыбкой. Для него такое выражение морды было ближе всего к извинению.

– Меня тут заперли. Я готовился сбежать.

Харрекс протянул мне руку.

– Я пытался вас предупредить, – сказал он.

Рейчис чуть не откусил ему руку.

– Эй, парнишка, разве мы плохо с тобой обращались? Ты не дал нам выбора с тем арбалетом. Но мы хорошо тебя подлатали, давали тебе лакомства и всё такое, разве не так?

– Да, – просвистел Рейчис. – А потом ты, козёл, запер меня в клетке, как какого-то ручного кролика!

– Что он говорит? – спросил Харрекс.

Я спихнул с себя Рейчиса и встал.

– Он говорит, что ему жаль, и он обещает больше так не де... Ой! Проклятие, Рейчис! – выругался я, потирая руку.

Харрекс покачал головой, и они вместе с Парсусом зашагали обратно по коридору.

– У парнишки есть характер, это уж точно!

«Ты даже понятия не имеешь, какой».

– Хорошо, – сказал я. Рука всё ещё болела. – Как тут с удобствами?

Рейчис прыгнул внутрь и устроил мне экскурсию.

– Два выхода. Тот, через который мы только что вошли, и окно. Окно не очень – падать высоко, а слезать вниз, если ты большой, тупой и неуклюжий, трудно.

– Спасибо. Я, скорее, имел в виду кровать.

Осмотреть комнату, которую для меня приготовили, было всё равно что выпить слишком быстро очень дорогую бутылку вина. В мраморных полах отражалась позолота листьев расписного потолка. Мебель была тщательно подобрана: дубовые стулья с искусной резьбой, диван удивительно женственной формы, стол с вырезанной на столешнице сценой битвы из Третьей берабесской войны (той, в которой дароменцы победили). Это была не столько большая комната, сколько маленький особняк.

– Думаю, наставники при королевском дворе не испытывают недостатка в прекрасных вещах, – сказал я вслух.

Какой-то предприимчивый слуга ухитрился даже найти множество карточных колод и элегантно разложить их в застеклённом ящике рядом с кроватью. Но роскошь и элегантность, как и вкус и запах дорогого вина, быстро выветриваются, и на смену им приходит одна мысль: «Не обманывай себя, думая, что это для тебя. Во всяком случае, надолго».

На меня навалилась усталость, и я добрёл до кровати. Не успела моя голова упасть на подушку, как Рейчис забрался на постель и спросил:

– В чём суть игры?

– Ты не мог бы слегка подвинуться? – спросил я. – От тебя не очень хорошо пахнет.

Он засопел.

– Кто бы говорил.

– Да. Ну, это же моя постель.

Рейчис искоса взглянул на меня.

– И надолго?

Я пожал плечами.

– Кто знает? Меня назначили королевским наставником, если ты знаешь, что это такое.

– В самом деле? Дароменским королевским наставником?

– Угу.

– Все права, привилегии, канцелярские принадлежности... Всё, что полагается?

Я приподнял голову и открыл глаза.

– Откуда ты знаешь про всё это?

– Слышал сквозь дверь, как два недоноска говорили об этом, ожидая тебя.

Он пару раз возбуждённо подпрыгнул.

– Проклятие, Келлен, во дворце ты практически неприкасаем! Пошли, что-нибудь украдём! Они вряд ли смогут нам помешать. Нет, подожди, давай... Да, давай убьём кого-нибудь, прямо средь бела дня!

Я уставился на белкокота и смотрел достаточно долго, чтобы увериться: он говорит абсолютно серьёзно.

– Ты и вправду становишься маленьким злым монстром, не так ли?

С тех пор как Рейчиса заразили Чёрной Тенью, я тщательно присматривал за каждой его новой особенно демонической наклонностью. Трудно отследить такое в животном, которое хочет убить практически любого, кто его раздражает... На тот случай, если вы не заметили, Рейчиса раздражают все.

Он изобразил белкокошачий эквивалент пожимания плечами.

– Это злой мир. Давай повеселимся, пока можем.

– Королева... Она намекнула, что сможет избавить меня от Чёрной Тени, Рейчис. Если, проклятие, я сделаю всё, что она хочет здесь сделать. Мы с тобой могли бы избавиться от Чёрной Тени раз и навсегда. Я мог бы...

Рейчис фыркнул.

– Что? Ты всё ещё думаешь, что твой папочка примет тебя с распростёртыми объятиями, если ты просто уберёшь метки со своего лица?

Я покачал головой.

– Нет, но мне хватит и того, что не придётся проводить каждый день жизни с большой чёрной мишенью на лице.

Рейчис подбежал к высокому, в полный рост, зеркалу рядом с одним из гардеробов и уставился на себя.

– Ну а мне нравится, как я с ней выгляжу. Свирепым. Смертоносным.

– Психопатическим? – предположил я.

– Пси-хо-па-ти-чес-ким, – медленно повторил Рейчис, и мне стало ясно – он понятия не имеет, что означает это слово. – Да, психопатическим. Круто!

Немногие люди знали истинную природу Чёрной Тени. Я слышал полдюжины теорий ещё до того, как нашёл Эбеновое Аббатство, и куда больше – за месяцы, прошедшие с тех пор, как я оставил аббатство в огне. Это проклятие демонов? Или просто иная форма магии, которой ещё никто не овладел? Никто не знал наверняка, но не было конца магам-ищейкам джен-теп, берабесским правоверным и множеству других добродетельных людей, готовых принести в ритуальную жертву любого, у кого есть такие метки. Я сделал всё, что мог, чтобы прикончить как можно больше этих добропорядочных граждан, но всегда найдутся другие, готовые попытаться убить меня во сне. Но какой-нибудь засранец вечно бойко объясняет мне, что есть и худшие проблемы, чем несколько извилистых чёрных отметин вокруг моего левого глаза, и что я должен перестать скулить. Этот зарсонец – Рейчис.

– Вот так эти голокожие и доят тебя, Келлен. Они рассказывают историю о заклинании или зелье, которое избавит тебя от Чёрной Тени, и ты бежишь, рискуя нашими жизнями и, что ещё хуже, расшвыривая впустую все наши деньги только для того, чтобы выяснить: тебя опять обманули.

Я не обратил внимания на его слова. Этот спор мы вели слишком много раз.

– Прекрасно, – прорычал он, – по крайней мере, давай исследуем дворец и посмотрим, что тут можно украсть.

– Не могу, – ответил я и надвинул шляпу на глаза. – Должен поспать. Вечером нас ожидает работа.

Белкот как можно лучше изобразил вздох – это больше походило на сморкание.

– Отлично. Без сомнения, что-то лишь немного скучнее, чем сидеть взаперти в комнате, где нечего делать и некого съесть.

– О, я бы так не сказал, – сонно ответил я. – Скорее всего, нам придётся убить нескольких очень озлобленных людей.

Глаза мои были закрыты, но я почти не сомневался, что Рейчис улыбается.

Глава 10

Лангзиер

Мне удалось проспать несколько часов, прежде чем запах Рейчиса и мой собственный – вкупе с понятной тревогой, поскольку я спал в месте, откуда не знал точно, как сбежать, – против моего желания вытащили меня из забвения. Рейчис уже проснулся.

– Ванна! – просвистел он, пиная меня задними лапами.

Заворчав, как и положено, я вытряхнулся из постели.

– Я думал, ты хотел кого-нибудь убить?

– Сперва ванна, – сказал белкокот, подходя к окну. – Потом убийство.

Я натянул штаны и прицепил футляры с порошками к поясу, прежде чем выглянуть вместе с Рейчисом в окно.

– До рассвета ещё два часа, – сказал я.

Он потопал к двери и вытянулся на задних лапах, чтобы открыть задвижку.

– Куча времени.

Я быстро порылся в ящиках комода на тот случай, если мне принесли одежду, и нашёл несколько рубашек из всевозможных тканей всех цветов, смущающе переливчатых. Они даже отдалённо не подходили для того, чтобы раствориться в толпе, и я отказался от них в пользу своей грязной рубашки. Лучше уж я помоюсь, прежде чем одеться, как мальчик для особых услуг.

Мы вышли из комнаты, собираясь некоторое время искать ванну, но оказалось – в этом нет необходимости. У моей двери ожидал слуга. Мальчик, едва ставший юношей, с невинным лицом, с коричневыми волосами до низа челюсти, в длинном белом одеянии дароменского слуги. Он выглядел почти ангелом, когда спросил:

– Карточный наставник, чем я могу вам служить?

Рейчис понюхал его и рыкнул. Мальчик потихоньку сделал шаг назад.

– Ванну, – сказал я. – Мы ищем, где бы помыться.

– В ваших комнатах есть ванна, господин. Если вы дадите мне немного времени, я могу развести огонь и согреть для вас воду. Это займёт не больше часа.

Рейчис зарычал.

– Мы надеялись помыться чуть быстрее, – объяснил я.

Мальчик с сомнением посмотрел на белкокота. Рейчис, несмотря на свои многочисленные хищные наклонности, одобрял цивилизованные качества хорошей ванны.

– Есть придворные бани, господин. Они связаны с горячими источниками, текущими под дворцом, поэтому всегда горячие. Но, боюсь, там нет уединения.

– Там кто-нибудь моется в данную минуту?

Мальчик покачал головой.

– Тогда, похоже, это идеальное решение.

– Но вы уверены, что не предпочли бы...

Рейчис открыл пасть и несколько раз закрыл, щёлкая клыками. Тем самым он уберёг меня от повторения одного и того же.

– Да, господин, – сказал мальчик, хотя я не был уверен, обращается он ко мне или к белкокоту. – Сейчас я вас туда отведу.

* * *

Придворные бани находились в просторной мраморной комнате, где были всевозможные водные удовольствия, от овальных ванн, вставленных в пол, предназначенных для одного человека, до бассейнов более причудливой формы, явно предназначенных для множества гостей и служивших не только для того, чтобы мыться. По всей комнате стояли маленькие зелёные деревца в глиняных кадках, а рядом с каждой ванной выстроились наготове, как слуги, столики с разными винами и лакомым ассортиментом слегка подмокшего с виду сдобного печенья.

Вскоре каждая часть моего тела, кроме рук, погрузилась в нагретую, слегка отдающую серой воду. Руки я положил на полотенца на краю ванны. Намочить руки – плохая идея для того, чьё выживание зачастую зависит от обращения со взрывчатыми порошками.

– Ну, это просто ужасно, ведь так? – спросил я.

Рейчис коротко фыркнул в ответ. Фыркание готово было перейти в стон удовольствия. Мы нашли маленький, обитый тканью табурет и, несмотря на возражения мальчика-слуги, поставили в одну из ванн, чтобы белкокот мог насладиться роскошным теплом, не утонув. Рейчис развалился на спине, высунув из воды морду с зажатым в зубах печеньем, которое постепенно разгрызал.

Мальчик вежливо кашлянул.

– Господин, если я вам больше не нужен, можно мне вернуться к другим моим обязанностям?

– Конечно, ступай и...

Рейчис проглотил и просвистел:

– Печенье.

При виде белкокота, чья морда торчала из горячей воды с открытым ртом и оскаленными зубами, мальчик позеленел.

– Господин, он хочет, чтобы я?...

Я кивнул.

– Просто дай ему ещё одно печенье, а потом можешь ступать своей дорогой.

Слуга взял ещё один рассыпчатый деликатес с ближайшего стола и поднёс его ко мне, словно хотел, чтобы я рассмотрел печенье. Я кивнул.

– Просто сунь ему в пасть.

Зажав в пальцах самый краешек печенья и держась как можно дальше, мальчик протянул руку к пасти Рейчиса. Белкокот несколько раз клацнул зубами, отчего слуга чуть не упал в обморок. Спустя мгновение мальчик оправился и наполовину уронил, наполовину бросил угощение в ожидающие челюсти, после чего повернулся и удрал за дверь.

– Болван, – прожевав, пробормотал Рейчис.

– Ты не очень уважительно относишься к слугам, – сказал я.

Рейчис зашипел.

– Любой, кто позволяет сделать себя слугой, заслуживает то, что получает.

– Люди не выбирают эту долю, Рейчис.

– Я не заметил на нём ошейника. В чём дело? Он не знает, где во дворце дверь? Он мог бы в любое время стать свободным существом, если бы не был трусом.

Я бросил дальнейшее обсуждение этой темы. У Рейчиса имелись кое-какие странные понятия, а мы были знакомы достаточно долго, чтобы смириться с тем, что не изменим друг друга.

Несколько минут мы молчали, потом Рейчис снова заговорил:

– Келлен?

– Сам возьми своё проклятущее печенье. Видишь? Я свободное существо. Ты должен мною гордиться.

– Нет, я о другом. Кого будем убивать?

Я снова стал рассказывать Рейчису о том, что наставники делали с королевой, и о том, что, по моему мнению, она хочет, чтобы я с ними сделал. Когда я начал описывать Кореша и Аррасию, Рейчис перебил:

– Я почти уверен, что уже с ними знаком.

– Что? Как?

– Когда эти идиоты, Харрекс и Парсус, заперли меня в комнате всего за несколько минут до твоего прихода, я слышал, как они спорят в коридоре с двумя людьми. Я хорошенько принюхался сквозь щель под дверью. Голокожий самец, воняющий мускулами и потом, он говорил, как какой-то рождённый в поместье аристократишка, с ним была женщина. Кто-нибудь должен сказать ей, что обливать подмышки духами – это преступление против природы. В общем, её голос был моложе, но вдвое злее.

Описание явно указывало на двух наставников.

– О чём они спорили с маршалами?

– Они хотели попасть в комнату. Сказали – им полагается убедиться, что тут для тебя всё подготовлено. У них при себе что-то было, но в металлической упаковке, поэтому я не смог учуять, что это такое. Но маршалы их и слушать не захотели.

Интересно, что бы они попытались сделать в моих комнатах? Рано или поздно моя нехватка опыта по части дароменской знати станет проблемой. Без сомнения, у Кореша и Аррасии имелись союзники всех сортов и рангов. Во дворце должны были быть хотя бы несколько джен-теп, или нанявшихся на службу при дароменском дворе, или явившихся с какой-нибудь дипломатической миссией от недавно коронованного Верховного мага. Тот факт, что наш выдающийся лидер, так уж случилось, был моим отцом, ничуть меня не утешал.

– Келлен, если ты будешь просто торчать здесь, как пень, то можешь подать мне ещё одно сдобное печенье.

– Я думаю, – сказал я.

– Тогда думай вслух. И подай мне печенье.

– Прекрасно! Я думаю, если Кореш и Аррасия решили устранить меня вместо того, чтобы сбежать, я понятия не имею, как они это сделают.

Рейчис фыркнул.

– Вероятно, тебе стоило задуматься об этом до того, как им угрожать.

– Я дам тебе ещё одно сдобное печенье, если ты пообещаешь, что не будешь таким засранцем, – сказал я, вылезая из ванны.

– Что ж, посмотрим на дело с такой стороны: как мы будем их убивать?

Я подошёл к столу, осторожно, чтобы не поскользнуться на мраморном полу.

– Ну, я бы захотел прикончить их без свидетелей, конечно. Хотя наставника и не могут казнить маршалы, всё равно плохая идея рекламировать убийство.

Я взял два печенья, одно швырнул Рейчису, а другое взял себе. Лапы белокота взметнулись в воздух и поймали угощение.

– Значит, тебе надо следить за своими жертвами. Убедиться, что ты знаешь, где они всё время находятся, чтобы выбрать идеальный случай.

Я кивнул и внимательно осмотрел одну из бутылок вина, прежде чем сделать глоток.

– Поэтому тебе нужны шпионы, – сказал я. – Люди, которые могут подобраться к жертве, не возбуждая подозрений... Чёрт!

– Что?

– Вылезай из ванны. Нам нужно убираться отсюда.

Рейчис вскочил на задние лапы и отряхнулся.

– В чём проблема?

– Мальчик.

– А что с ним не так?

Я схватил полотенце и начал вытираться.

– Он сказал, что ему нужно вернуться к выполнению других обязанностей.

Рейчис выпрыгнул из ванны и заскользил по гладкому мрамору, прежде чем остановиться.

– Ну и что? Он же слуга.

– Да, но каких обязанностей? Что он делал до того, как привёл нас сюда?

Белкокот пожал плечами.

– Стоял под нашей дверью и ждал. Думаю, у каждого знатного человека есть слуга, который ожидает, пока господину что-то понадобится.

– А по пути сюда ты видел слуг, ожидающих под дверью других комнат?

Рейчис зарычал, обдумывая это.

– Проклятие. Я так наслаждался ванной.

Я натянул штаны и откинул клапаны футляров с порошками.

– Он шпионил за нами по указке Кореша и Аррасии. Помнишь, как он хотел, чтобы мы остались в комнате? Может, они собирались напасть.

– Так быстро? – спросил Рейчис.

– Я этого не ожидал, но теперь не уверен.

– Итак, парень пошёл и рассказал им, где мы.

Я осмотрел комнату.

– Неплохое место для убийства.

Мы с Рейчисом разделились, проверяя, нет ли тут потайных входов. В комнате были окна, но более чем в двенадцати футах над землёй и, похоже, крепко запертые, созданные для того, чтобы впускать сюда свет и ничего более. Теоретически кто-нибудь мог забраться через них, но маловероятно. Если не считать окон, в комнату вела всего одна дверь.

– Келлен...

Я повернулся и увидел, что Рейчис крадёт ко мне, почти прижимаясь брюхом к земле.

– В чём дело? – спросил я.

– Сзади.

Я повернулся к стене. Она была примерно в десяти футах от меня, и там особо нечем было любоваться, кроме сложной мозаики, изображающей радостно купающихся дароменских пастухов. Тварь, о которой предупредил Рейчис, двигалась так медленно, что сперва я принял её за часть декора.

Змея.

– Отойди и предоставь её мне, – сказал Рейчис.

В его голосе слышались и предвкушение, и трепет. У белкокотов есть пунктик насчёт рептилий.

Я покачал головой.

– Я ударю в неё заклинанием.

Змея дюйм за дюймом пробиралась по стене. Она была не очень большой – примерно в полтора фута длиной и не больше дюйма толщиной. На её спине виднелось нечто вроде сложенной перепонки.

– Обычные змеи так не выглядят, Келлен. Они не ползают по стенам и не двигаются так медленно.

Я вытащил порошки из футляров и собирался взорвать змею, когда тварь метнулась ко мне, как стрела. Я едва успел отскочить, чтобы увернуться от клыков, нацеленных в горло. Крутанувшись, я увидел, как Рейчис попытался прыгнуть на змею, но она зависла в воздухе;

перепончатые складки кожи, зелёные и блестящие, слегка колыхались по её бокам, как водяные лилии, плавающие в пруду.

– Что это, к дьяволу, такое? – спросил я.

Мой голос уже звучал так, будто я запыхался, потому что быстро колотящееся сердце, без сомнения, пыталось убедить меня бежать отсюда со всех ног.

– Это проклятый богами лангзиер, – прорычал Рейчис.

Лангзиер! Я ни разу ни одного из них не видел, но, судя по тому, как отозвался о нём Рейчис, белкокоты ненавидели лангзиеров даже больше, чем крокодилов. А белкокоты воистину ненавидят крокодилов!

Говорят, крошечных змеек подарили народу шан джен-теп. Лангзиеров вывели ради единственной их способности: проклятые твари умеют летать. Наметив цель, лангзиер лежит и ждёт, почти недвижимый, пока не появляется намеченная жертва. С этого момента он атакует снова и снова до тех пор, пока его ядовитые зубы не вонзятся в добычу.

Сомневаюсь, что какая-либо культура когда-нибудь создавала более идеальную разновидность убийцы. И теперь один из этих убийц парил передо мной, глядя на меня со спокойной уверенностью, зная, что я недостаточно быстр, чтобы его остановить.

– Келлен... – нервно просвистел Рейчис.

– У меня есть план.

Вообще-то, у меня не было плана.

Змея собиралась снова броситься на меня. Перегнать её было невозможно. Как и попытаться полоснуть её метательными картами, которые в любом случае лежали на другом конце комнаты. Возможно, я мог как-нибудь воспользоваться одной из своих монет кастрадази, но они тоже были слишком далеко. Я ни за что не сумел бы поразить змею обычным взрывным заклинанием, поэтому вместо того чтобы воспользоваться порошками, я стряхнул их с пальцев, точно барышня, раскрывающая веер.

– Кара-джуру Тот, – нараспев произнёс я.

Порошки столкнулись.

Последние несколько месяцев я половину ночей работал над «джуру», вариантом заклинания «караф». Это заклинание далеко не такое сильное, как его основная форма, но, полагаясь всегда на один и тот же трюк, рискуешь стать предсказуемым. Кроме того, хоть в это и трудно поверить, бывают случаи, когда мои проблемы решает не проделывание взрывом дыры в чём-нибудь торсе.

Я прыгнул назад, когда заклинание сработало, и пламя взмыло в воздух передо мной, становясь своего рода щитом, воспламеняющим всё, что сквозь него проходит. Во всяком случае, теоретически.

Лангзиер пролетел сквозь взрыв, не задев меня, но покрывшись остатками порошка, который светился, как горящие угли. Я наблюдал, как змея поплыла по воздуху, встряхиваясь, сбрасывая пламя, как сухую кожу.

«Придерживайся испытанного и верного», – подумал я, потянулся к футлярам, чтобы вытащить ещё немного порошка.

– Караф Тот! – прокричал я.

Змея легко увернулась от взрыва, и на этот раз я почувствовал, как маслянистая кожа коснулась моей, когда тварь пролетела мимо.

Рейчис сердито просвистел:

– Она играет с тобой, Келлен, изучает, как ты двигаешься, прежде чем нанести настоящий удар. При твоём патетически слабом телосложении её ядовитые клыки уложат тебя быстрее, чем фермерского мальчика на его первом...

– Кара-джуру Тот, – произнёс я, возвращаясь к чарам огненного веера, но на этот раз пустив в ход побольше порошка.

Свет как будто сбил змею с толку, и она начала слепо летать в попытках понять, где я. Но жар на кончиках пальцев начинал меня беспокоить.

– Отдай её мне! – сказал Рейчис.

Он карабкался на один из столов повыше, чтобы спланировать на змею сверху.

– Она слишком маленькая и слишком быстрая, чтобы я в неё попал, Рейчис. Даже если ты её схватишь, она укусит тебя прежде, чем ты вонзишь в неё зубы.

– Вот тогда ты её и взорвёшь! Лангзиер не может танцевать, пока поёт!

Змея снова кинулась на меня. На этот раз я поджёг в огненном веере слишком много порошка и почувствовал, что кончики пальцев и вправду начали дымиться. Вот теперь я спёкся. Ещё одна попытка – и я взрывом оторву себе руки.

– Иди сюда, Келлен, ты, идёшь!

Не зная, что ещё предпринять, я ринулся к столу, на котором стоял Рейчис. Лангзиер пролетел сквозь огонь, воспламенившись и снова встряхнувшись в воздухе, чтобы сбросить с себя горящий слой кожи. Нижний теперь был красным, под стать ярости в его глазах.

Я огляделся по сторонам, ища, чем бы защититься. Схватил бутылку вина и разбил её об стол.

Как раз в тот миг, когда лангзиер полетел мне в лицо, в поле моего зрения появился коричневый мех. Рейчис приземлился на пол с лангзиером в зубах. Змея корчилась, жилистое тело выворачивалось слишком быстро, чтобы я мог его схватить. Рейчис тряс её, пытаясь сломать позвоночник, но тварь извернулась и укусила белкокота за спину.

– Рейчис!

– Давай, идёшь! Быстро! – прорычал он.

Мне было трудно сосредоточиться из-за странной музыки, которая вдруг зазвучала. Мягкое, мелодичное шипение вырывалось из пасти лангзиера, хотя его зубы были погружены в мех Рейчиса. Тело змеи почти не двигалось.

«Лангзиер не может танцевать, пока поёт!»

Проблема заключалась в том, что и белкокот больше не двигался.

Лангзиер впрыскивает два разных яда: первый временно парализует, второй – убивает. Шкура Рейчиса в том месте, где клыки змеи вонзились в его спину, начала менять цвет. Болезненно-зелёный распространился по меху белкокота, как стая саранчи. Я упал на колени и одной рукой схватил змею за хвост, а второй воткнул в её бок край разбитой бутылки. Кожа проклятого создания была толще, чем я ожидал. Я поднял бутылку и снова обрушил её на лангзиера – и снова, и снова, пока не почувствовал, как стекло раскрошилось о каменный пол. Крошечные осколки брызнули на меня, обжигая щёку. Из руки текла кровь, кусочки стекла воткнулись в мои ладони. Теперь я держал в левой руке половину змеино-го туловища. Я разрубил его пополам.

С тихим шипением, почти со вздохом, змея выпустила Рейчиса из челюстей. Я с силой ударял змеиные останки об пол до тех пор, пока не услышал, как кости крошечного черепа лангзиера рассыпались в пыль.

– Рейчис...

Он не ответил. Белкокот издавал ужасный звук, нечто среднее между рычанием и отчаянным воем. Его тело начало неудержимо трястись. Я положил руки на его бока, чтобы его удержать, но белкокот зарычал на меня:

– Не трогай...

Зелёная желчь капала с его зубов.

– Рейчис, скажи, что мне делать!

– Нет... Ничего... У белкоко-тов по-другому... Мы крепче, че...

Его несколько раз скрутили конвульсии, потом вырвало на пол.

– Мерзопакостные змеи, – простонал он.

Я взял флягу с водой, налил немного в чашку и поставил рядом с ним. Рейчиса снова вырвало, немалая часть рвоты попала в чашку. Я отбросил её и потянулся за другой. Его снова стошнило, потом он обгадился: его крошечное тело пыталось избавиться от всего, от чего только можно. Я звал его снова и снова, но каждый раз, когда я протягивал руку, чтобы попытаться его утешить, он стряхивал её и отползал прочь.

– Проклятые богами змеи, – только и повторял он.

В конце концов рвота прекратилась, и он рухнул в собственные нечистоты. Я подполз к нему на четвереньках и поднял с пола. Его мех был холодным. Вонь рвоты и испражнений была в нос. Я прижал Рейчиса к груди, пытаясь его согреть.

– Убери от меня чёртовы руки, – выдохнул он, всё ещё неудержимо дрожа.

Но не смог высвободиться. Он был слишком слаб и мог только безжизненно лежать у меня на руках.

– Я не твой проклятуший талисман.

Он слабо клацнул на меня зубами.

– Мы не семья. Это деловые отношения; это всегда были только деловые отношения.

– Знаю, Рейчис, – сказал я. Пот тёк по моим щекам. – Просто деловые отношения. Вот и всё.

Мы сидели так на полу почти час, пока первые неуверенные лучи света не начали проникать в комнату через окна сверху. Скоро наступит день, и кто-нибудь нас найдёт. Рейчис потерял сознание, хотя его тело всё ещё каждые несколько минут билось в конвульсиях.

Я осторожно встал, продолжая держать его на руках, и вернулся в наши комнаты.

Положив белкокота на кровать, я нашёл полотенца и осторожно вытер его мех. Я не хотел его беспокоить, поэтому делал всё медленно. Закончив, я выбросил полотенца в окно и укрыл Рейчиса своими сложенными одеялами. Потом вымыл и тщательно вытер руки. Чувствительность к кончикам пальцев ещё не вернулась, но мне было плевать.

Я поправил свои футляры с порошками и сел на стул лицом к двери. Я не думал, что Кореш или Аррасия сделают вторую попытку, только не этим утром, когда дворец проснулся. Но моё дежурство дало мне время подумать, взвесить стратегию и составить план. Я был идиотом, провоцируя их. Они сделали свой ход и чуть не убили Рейчиса. Теперь настал мой черёд, и я не промахнусь.

Потому что это тоже было всего лишь деловыми отношениями.

Глава 11

Слуга

Время от времени я проверял белкокота, обдумывал различные способы убийства Кореша и Аррасии, а в промежутках между всем этим укладывал наши вещи. То, что случилось с Рейчисом, было моей виной. Я отвлёкся. Я явился к дароменскому двору не ради денег, и уж наверняка, проклятие, не потому, что хотел спасти их королеву. Меня арестовали маршалы. Они делали свою работу. А моя работа заключалась в том, чтобы сбежать. Я должен был сделать это минувшей ночью, но я позволил сочувствию к одиннадцатилетней девочке встать у меня на пути.

Что ж, прекрасно. Я был идиотом. Рейчис сможет рассказать мне об этом спустя несколько часов, когда будет готов к путешествию, а я соберу наше барахло. Прощай, Дароменская империя – да исчезнешь ты со страниц истории быстрее, чем пролитая вода на сухом песке.

У меня не ушло много времени, чтобы сложить наши скудные пожитки в две кожаные перемётные сумы – вкупе с несколькими предметами из комнаты, за которые можно будет выручить приличную сумму по дороге из города. Покончив с этим, я снова сел на стул и запустил руки в открытые футляры с порошками. Им хотелось гореть почти так же сильно, как мне хотелось их поджечь.

Я трус, но я желал, чтобы дверь открылась, желал увидеть, что Кореш, Аррасия и любые союзники, каких они смогли собрать, явились по наши души. Я бы использовал все свои порошки до последней крупинцы, чтобы проделать дыры в множестве этих людей.

Несмотря на гнев, я поддался усталости и спустя некоторое время заснул, сидя на стуле. Когда я проснулся, было совсем светло.

Я посмотрел, как там Рейчис, но под одеялами его не было. У меня ушло несколько минут, чтобы найти его, спящего, под кроватью. Иногда он так делает, когда бывает ранен – находит место, где можно спрятаться и зализать раны. Обнаружив его, я увидел, что он приоткрыл глаза, но ничего не сказал, поэтому я просто оставил его в покое.

Кто-то постучал в дверь, и мне пришлось сдержаться, чтобы не проделать в ней взрывом дыру. Но я не убрал руки от футляров. Судя по всему, Кореш и Аррасия могли не мешкая нанести ещё один удар. А может, они сбежали и теперь сама королева послала убийц к моей двери. Хоть я и решил её проблемы, избавив от старых наставников, какова вероятность того, что она захочет сменить двух жестоких тиранов на незнакомца, который может оказаться ничуть не лучше? Можно было побиться об заклад: использовав меня, чтобы избавиться от врагов, она вскоре сделает так, что я исчезну без следа. Без сомнения, официальное обвинение падёт на сторонников Кореша и Аррасии, но все будут знать, что занимать должность королевского наставника стало опасным предприятием, и, вероятно, не стоит так рисковать.

Второй стук был громче первого. В конце концов я на несколько шагов отступил от двери и сказал:

– Войдите.

Дверь медленно открылась, и вошёл мужчина, с виду лет сорока, плотного, мускулистого телосложения. Он был выше меня, что не о многом говорит, но к тому же он был выше большинства дароменцев. Если бы вам понадобился тот, кто до смерти изобьёт вашего врага, именно такого парня вы бы послали, чтоб он сделал подобную работу.

– Я – Арекс Неррен, личный секретарь королевы. Вы её так называемый наставник в картах? – спросил он голосом, который был бы приятным баритоном, если бы не звучал так невыносимо самоуверенно.

Я кивнул.

– А кого вы ожидали увидеть, учитывая, что постучали в дверь комнат, предназначенных для нового наставника?

– Что ж, справедливо. С другой стороны, вы не совсем то, что я ожидал найти.

Он вошёл в комнату и смерил меня взглядом с головы до ног. Потом подошёл к комоду так, будто комната принадлежала ему, вытащил ещё одно полотенце и бросил мне.

– Вы не могли бы вытереть с груди вот это, чем бы оно ни было? Смахивает на засохшую рвоту. Может, к тому же наденете рубашку, чтобы мы смогли поговорить как цивилизованные люди?

Не спуская с него глаз, я взял со стола кувшин воды и вымыл грудь. Арекс обыскал остальные ящики, вытащил пару брюк и чистую рубашку и тоже швырнул мне. Брюки были из дорогой чёрной кожи, а рубашка с пурпурной отделкой отливала серебром.

– Слегка кокетливый наряд, я понимаю, но ваш общий взъерошенный вид должен это уравновесить, – сказал он.

Я окинул его взглядом. Просторная одежда из белого шёлка, с треугольным вырезом на широкой груди, изящно вышитая цветами, в которых я узнал символы каждой из двенадцати дароменских провинций. Наряд дополнял ярко-зелёный с золотом пояс.

– Ты кого называешь кокетливым, друг?

Я ожидал сердитого ответа, но он только поднял руки и ухмыльнулся.

– Сложности придворной жизни. Моя должность требует официальной одежды, и мне нужно появляться в ней в придворные дни, а сегодня как раз такой.

– Как, вы сказали, называется ваша должность? – спросил я, натягивая брюки и рубашку и отчаянно пытаюсь придумать ещё одну причину прокомментировать то, насколько по-идиотски он выглядит.

– Личный секретарь королевы, – повторил Арекс. – Я заведу её расписанием.

Я не был уверен, как обращаться с этим парнем, который говорил и выглядел так, будто мог бы схватиться врукопашную с медведем, но был одет лишь слегка более сдержанно, чем мальчик для особых услуг в не очень высокопробном салуне для путешественников.

– И что я могу сделать для личного секретаря королевы?

Он оглядел комнату, подошёл к софе, сделанной в форме большой женщины, и уселся.

– Что ты можешь для меня сделать? Малыш, ты отверженный, опозоренный и... если спросишь меня – изгнанный нарушитель спокойствия без денег, без друзей и без положения в обществе. Сомневаюсь, что в этом мире ты мог бы что-нибудь для меня сделать. Я пришёл для того, чтобы сделать кое-что для тебя.

А, значит, он здесь не затем, чтобы меня убить. Просто затем, чтобы немножко меня побить, дав понять, с кем я не должен ссориться.

Я слегка вытянул шею, разминая её. Мне никогда не нравилось, когда меня бьют, если у меня затекла шея. Я видел глазки-бусинки Рейчиса под кроватью: он ожидал, когда придёт время укусить парня за лодыжку. Почему-то я не думал, что это поможет.

– Позвольте догадаться – вы здесь для того, чтобы меня предупредить.

Арекс секунду смотрел на меня, широко раскрыв глаза, потом разразился смехом. Он начал было что-то говорить, но замолчал, чтобы снова засмеяться.

– Парень, – наконец, сказал он, – ты совершенно неправильно понял ситуацию. Я имел в виду именно то, что сказал: «Я – личный секретарь королевы». Я здесь для того, чтобы доставить тебя ко двору и начать довольно длинный процесс представления тебя собравшимся аристократам и придворным.

Часть напряжения перестала давить мне на грудь. Моё облегчение, наверное, было очевидным, что меня только взбесило.

– Думаю, сегодня я пас. Я всё ещё не отдохнул после поездки, и у меня назначено несколько встреч.

Лёгкая улыбка всего на мгновение исчезла с губ Арекса.

– Они уехали, малыш.

– Кто уехал?

Он вздохнул.

– Наши взаимоотношения будут развиваться куда быстрее, если ты уяснишь, что я не один из тех неуклюжих идиотов из захолустья, с которыми ты привык иметь дело в приграничье. Кореша и Аррасии здесь нет. Они уехали минувшей ночью. По-видимому, они заняты крайне важным исследовательским проектом.

– Надолго? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Кто знает? Может, надолго, если обстановка не изменится.

Что ж, у меня не было конкретных доказательств того, что Кореш и Аррасия послали лангзиера, не было и возможностей раздобыть доказательства теперь, когда наставники находились вне пределов досягаемости. Может, стоит попытаться выследить их до того, как я покину город, а может, найти слугу, который завёл меня в ловушку, и притащить его к королеве. Но вдруг именно этого кто-то от меня и хочет?

«Предки».

Ненавижу политику.

Арекс подошёл и провёл рукой по шву одной из моих кожаных седельных сумок.

– Куда-то уезжаешь? – спросил он.

В его тоне было нечто, заставившее меня хорошенько подумать, прежде чем ответить на вопрос.

– Неа, – наконец сказал я. – Просто привык всегда держать вещи в порядке, когда я на границе. Вы же знаете, каково это.

Арекс улыбнулся.

– Конечно, вполне понятно. Само собой, Кореш и Аррасия оставили большую часть своих вещей здесь, во дворце, когда отправились в свою исследовательскую поездку.

– Почему «само собой»?

– Ну, потому что если бы всё смахивало на то, что они решили... О, не знаю... Навсегда отказаться от своих обязанностей без разрешения королевы, ну, тогда у них были бы неприятности, верно?

– Насколько большие неприятности?

– Да обычное «выслеживание маршалами и повешение за шею до тех пор, пока не умрёшь» – вот какие неприятности. Технически это называется «измена монарху». Старый закон, созданный для того, чтобы помешать дворцовым слугам сбежать при попытке государственного переворота.

Я постарался сохранять беспечное выражение лица. Рейчис всё ещё прятался под кроватью, но я видел, что теперь он полностью очнулся. Арекс был здоровяком, но у нас имелось то преимущество, что он не увидит, как нападёт белкокот.

– Хорошо, что я не собираюсь уезжать, не сказав никому ни слова, – ответил я.

Арекс растянул губы в широкой ухмылке, которая вовсе не выглядела дружелюбной.

– Воистину хорошо.

Он убрал руку с моей перемётной сумки.

– Да, и осторожнее ходи по коридорам. Всего пару часов назад мы нашли в дворцовом саду тело мальчика-слуги.

Вот и надейся использовать его как свидетеля против Кореша и Аррасии.

– Как он умер?

– Покончил с собой. Очевидно, минувшей ночью он встал и решил броситься с седьмого этажа. А сперва потрудился воткнуть нож себе в спину, что, по-моему, уже перебор. И вправду

очень жаль. Насколько я могу сказать, он был предприимчивым молодым человеком; только что закончил мыть придворные бани, хотя это не входило в его обязанности и их мыли всего за несколько часов до него.

Арекс пристально смотрел на меня, словно ожидал, что я выпалю признание или протестующе закричу. Я думал о том, как именно надавили на мальчика. Кореш и Аррасия пообещали ему денег? Угрожали его жизни? Потом я вспомнил, что сказал Рейчис о людях, выбравших участь слуг.

– Если вы ждёте, что я пролью слезу, на это может уйти много времени, – сказал я.

Личный секретарь королевы безразлично пожал плечами, встал и навис надо мной.

– Пошли, малыш. Это была весёлая игра, но королева призывает тебя, и твоё присутствие обязательно. Давай не будем заставлять этих милых людей ждать.

Он на мгновение задержался в дверях.

– О, и захвати своего питомца. Он повеселит людей, а кроме того, одна из горничных может наступить на малыша, если он и дальше будет прятаться под кроватью.

Глава 12

Колода в шестьдесят пять карт

– Самое важное – стараться не поставить королеву в неловкое положение, – объяснил Арекс, пока мы шли по широкому коридору, украшенному мраморными бюстами и огромными портретами, написанными маслом, – наверное, прежних монархов Дарома. У многих из них был такой вид, будто они ели что-то особенно кислое в тот день, когда их запечатляли.

– Думаете, я способен поставить её в неловкое положение?

Он засмеялся.

– Малыш, я не могу вообразить, как тебе удастся этого избежать.

Я остановился и подождал, пока до него дойдёт, что меня больше нет рядом.

Повернувшись, Арекс спросил:

– В чём дело? Испугался чего-то?

Рейчис тихо прорычал:

– Давай я покажу ему, что такое пугаться! Тупица!

Это было первое, что он сказал с тех пор, как мы повстречались с лангзиером. Когда ты беспокоишься, оправится ли полностью твой деловой партнёр от укуса ядовитой змеи, то, услышав спозаранку его угрозы убить первого же встречного, странным образом успокаиваешься.

Арекс ответил на рык благожелательной улыбкой.

– Лучше присматривай за своей тварью. Кое-кто может приготовить из неё обед.

– Болтайте и дальше в том же духе, и, возможно, вы удивитесь, кто станет рагу, – ответил я.

Личный секретарь королевы вернулся ко мне.

– Вот как? Ты в игривом настроении, малыш?

– Я прохладен, как горный ручей, друг. Но я вынужден попросить не называть меня больше «малыш». Все, кроме Фериус Перфекс и Рейчиса, почти все, кто когда-либо называл меня «малыш», в конце концов пытались меня убить.

Арекс ткнул меня толстым пальцем в грудь. Ощущения были такие, будто в меня ткнули тупым концом копья.

– А если я не перестану так говорить, малыш?

Мне следовало бы понять, что он делает, но я почти не спал. Я был сердит и испуган. Поэтому я допустил промашку и позволил гневу взять надо мной верх. Даже не попытавшись хотя бы сперва отвлечь Арекса, я врезал ему.

Он откинулся назад, увернувшись, аккуратно схватил мою руку и взял меня на болевой приём. Рейчис зарычал, но Арекс повернул меня, прикрывшись мной, как щитом. Белкокот застыл как вкопанный, увидев, как вторая рука здоровяка оказалась на моей шее.

– Лучше будь хорошим пёсиком и посиди смирно, не то твой хозяин отправится в могилу.

– «Пёсик»? Проклятие, прочь с дороги, Келлен! Я вырву этому парню язык, заверну в него его глазные яблоки и сделаю себе сэндвич!

Я попытался выскользнуть из захвата, но Арекс был умелым борцом, и я ничего не смог поделать. Он оттолкнул меня к стене и шагнул на меня.

– Кореш и Аррасия были идиотами, малыш. Они думали – раз королева в их власти, это всё решает, поэтому утратили бдительность. Я не такой, как они. Совершенно не такой.

– Рейчис, – ровным голосом сказал я. – Вцепись в его лицо.

Арекс засмеялся.

– А что потом, Келлен джен-теп? Он кинется на меня, и я тебя убью. Может, он меня ранит. Дьявол, может, он ухитрится меня убить. И что тогда? Ты мёртв. Я мёртв. Проклятый белкокот всё равно что мёртв. Что же станет с королевой?

На этот вопрос я не знал ответа.

Арекс в последний раз меня пихнул, потом выпустил и развернул.

– Всего три моих неприятных замечания, и ты потерял спокойствие, Келлен. Хочешь знать, как враги королевы собираются использовать тебя, чтобы поставить её в неловкое положение? Именно так.

Я встряхнулся, усталился на здоровяка и понял, что только что вёл себя как неуклюжий дилетант.

– Ну, и что это было? Урок этикета?

– Чертовски верно. Я не шутил, малыш. Я совершенно не такой, как Кореш и Аррасия. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы защитить королеву.

– Когда я здесь появился, мне показалось – вы не очень-то хорошо справляетесь с этой работой, – парировал я.

На его лице мелькнула боль.

– Малыш, я делаю всё, что могу, но я – всего лишь один парень и не очень важен при нынешнем положении дел. Ты представляешь, сколько разных фракций великих дароменских домов пытаются переиграть в интригах друг друга и трон? Если я нацелюсь на королевских наставников с каким-нибудь неуклюжим планом – вероятно, какой ты и замыслил, прежде чем они подослали к тебе свою маленькую летающую змею, – целые гнёзда гадюк полезут изо всех щелей.

Я покачал головой и двинулся по коридору, заставив Арекса на этот раз последовать за мной.

– Лангзиер мёртв. Кореш и Аррасия в бегах. Похоже, я прекрасно справился и без ваших советов.

Он снова схватил меня за плечо, теперь уже без борцовских приёмов.

– Ты прав. Ты это сделал. Никто такого не ожидал. С другой стороны, никто и не ожидал, что ты вообще тут появишься. Ты всех удивил и дьявольски напугал. Таков был день первый. Что у тебя запланировано на день второй?

– На «день второй» я решил взять отгул.

Арекс покачал головой.

– Не получится. Минувшей ночью ты вёл свою личную вендетту против Кореша и Аррасии. А остальные? Двор? Они провели минувшую ночь, решая, как манипулировать тобой или как избавиться от тебя. Они думают о метках вокруг твоего глаза и гадают, что всё это значит и как использовать их против тебя. Ты войдёшь в тронный зал со своими нынешними повадками деревенщины из приграничья – и тебя загонят в угол так быстро, что ты окажешься главным сторонником движения «верните Кореша», не успев понять, откуда был нанесён удар.

– Так вот в чём всё дело? В политической власти?

Арекс фыркнул.

– «Политическая власть», – повторил он. – Обожаю, когда тупицы говорят о политике так, будто рассуждают о погоде.

– Пахнет дождём, – сказал Рейчис. – На тот случай, если это кого-то заботит.

– Прекрасно. Тогда объясните, что такое «политическая власть», которая вас так впечатляет.

Арекс беспомощно огляделся по сторонам, как будто кто-то попросил его объяснить лошади, что такое животноводство.

– Прежде всего, политическая власть – это не что-то одно. Есть множество её разновидностей.

- Хорошо. Сколько здесь видов «политической власти»?
- Он показал на карман моей куртки.
- Сколько карт в одной из твоих колод, наставник в картах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.